

Повреждено паводком 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

2457

Mongolica I.

Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии¹.

В том большем научном движении последних лет, которое связано с *Serindia* и Средней Азией вообще, которое объединило за общей работой ориенталистов стольких специальностей: — индianистов, иранистов, синологов, туркологов, исследователей восточного искусства, — монголисты не принимали почти никакого участия, как и раньше во время открытия и разбора орхонских памятников. Монголисты и, можно сказать, самое монголоведение, стояли в стороне от двух, быть может, самых ярких за последние 50 лет движений востоковедной науки, так расширявших и углубивших наши познания Азии. Такая отстраненность монголистов объясняется совсем не тем, что им нечего было делать в общей работе, что предмет исследования монголистов не имеет ничего общего с исследованиями орхонских надписей, а также старых языков Центральной Азии. Наоборот монголисты могли бы многое получить от этих исследований в процессе совместной работы с другими специалистами и могли бы сами кое-что принести для выяснения тех или других деталей². И действительно, данными монгольского языка воспользовались некоторые исследователи Средней Азии, но они не были монголистами. F. W. K. Müller на основании монгольских словарей поправляет В. В. Радлова и К. Г. Залемана, хотя с этими учеными русские монголисты постоянно общались и были отчасти их учениками. Даже в тех редких случаях, когда монголисты обращались к разбору материала, привезенных из Восточного Туркестана, как напр. Ramstedt, разобравший монгольские документы, добывшие германской экспедицией, всетаки не обхо-

¹ В настоящей статье письменные формы восточных языков транскрибируются при помощи латинского алфавита, а формы живой речи при помощи русской лингвистической азбуки.

² Надо вспомнить здесь превосходную работу Ramstedt'a: *Zwei uigurische runenschriften*, J. S. F. O., XXX; попытка W. Bang'a привлечь для истолкования орхонских надписей чешский и монгольский материалы, по общему мнению, была сделана крайне неудачно.

дилось без участия других специалистов, которые могли дать более углубленное объяснение того или другого места, того или другого термина¹.

Такое состояние монголистов, не объясняемое степенью развития монголоведения, не может быть разъяснено только незначительным количеством работников в этой области и малым резонансом их деятельности. Разгадка лежит глубже: в том направлении, которое приняло монголоведение за последнее пятьдесят лет.

Большая разница между первыми монголистами: Шмидтом, Шифнером, Банзаровым, Ковалевским, Поповым, Abel-Rémusat и монголистами позднейшими. Иногда эта разница совершенно определенно бросается в глаза, иногда же ее едва возможно уловить, что не лишает ее, порой, особой значительности. В каждой области знания, почему-либо могущей обособиться, кроме особых приемов ей одной только свойственных, большое значение еще имеют некоторые настроения, если можно так выразиться, данной области науки.

Со времени А. М. Позднеева направление монголоведения изменяется довольно сильно по сравнению с недавним прошлым. Оно разрывает связи со смежными областями знания, которые у нее хотя и слабо, но все-таки были завязаны раньше, с тибетоведением, с туркологией. Работа направляется во внутрь. Монголия как-то поворачивается своим новым манджурским чиновничим лицом, на котором нельзя прочесть ничего другого, ничего о пережитом в ином состоянии, в иное время. И буддийский лик позднеевской Монголии оказался каким-то захолустным и обособленным от всего другого буддийского мира².

В общем надо признать, что этот период монголоведения, несмотря на некоторые положительные приобретения, которые были им сделаны, можно охарактеризовать как период известного регресса этой ветви знания, оказывающим свое роковое влияние и по сие время. Разрыв с тибетоведением, на что было уже обращено внимание, напр., В. Laufer'ом³ особенно дорого обошелся монголоведению.

В начале XX века совершенно определенно наметилось новое направление монголистики, начавшееся независимо от русской науки, где до той поры монголоведение главным образом и развивалось. Русским монголистам пришлось примкнуть к нему, когда оно уже вполне наметилось и определилось; связано оно с именем финляндского ученого G. J. Ramstedt'a.

¹ G. J. Ramstedt, Mongol. Briefe aus Idikut-Schahri, S. K. P. A. W., 1909, XXXII, p. 847 — 8.

² Ср. И. П. Минаев, Апология ламства, Ж. М. Н. И., ч. CCLVII, июнь 1888, стр. 434—448.

³ T'oung-Pao, 1918, p. 574.

Направление это — чисто-лингвистическое, только с некоторым уклоном в область фольклора. Но и чистые лингвисты бывают очень различных оттенков. Лингвисты — монголисты новой школы оказались представителями того течения, которое, пожалуй, можно назвать диалектологическим, направлявшего свое главное внимание на исследование современных живых говоров, обывденного, небрежного языка, точное знакомство с которым было ее высшим стремлением, осуждавшего несколько завышенный, как бы «идеальный» язык¹, считая его чем то искусственным. Конечно, лингвисты — монголисты являются при этом историками-компаратистами, вообще в духе направления научной мысли второй половины XIX века, нуждавшимися в построении общих теорий языка, строившими свое историко-сравнительное здание не на фундаменте детального историко-филологического и этнолого-лингвистического исследования, а опять же, главным образом, базируясь на явлениях непосредственно изучаемой живой речи. Поэтому то монголисты новой школы не то, чтобы не интересовались, а были настроены не интересоваться филологией, лингвистической палеонтологией, общей теорией языка, вопросами взаимодействия монгольского и других языков, раз это выходило за границы вопросов обоснования родства между членами алтайской семьи языков, или даже монгольских говоров.

В противоположность позднеевскому периоду новое монголоведение сделало чрезвычайно много и за короткий срок собрало громадный материал и, если не для других, то для себя, для своих адептов, изучило большинство монгольских наречий, прочно обосновало родство монгольского языка с турецким и, отчасти, с манджуро-тунгусскими наречиями². Новую школу монголистов нельзя, собственно говоря, упрекать ни в чем, она сделала и будет делать то, что надо, без чего невозможно обойтись; новое монголоведение не шло неправильным путем, путь ее верен. Но он недостаточен; перед монголоведением лежат неведомые пространства исследований, где оно должно найти разнообразные и многие пути, из коих некоторые могут вести к раньше уже намеченным целям.

Вот почему монголисты оказались в стороне, когда объясняли орхонские надписи, вот почему их не оказалось в рядах тех, кто направлял свои усилия к разбору многообразного материала, добывшего в песках Восточного Туркестана; они отсутствовали, казалось, «законно».

¹ О языковом «идеале» см. Meillet, Aperçus d'une histoire de la langue grecque, 2° éd., P. 1920, p. 88.

² К сожалению большая часть работ русских монголистов и примыкающих к ним ученых работников бурят и калмыков остается не напечатанной. В Азиатском Музее хранится громадный рукописный материал, в значительной части вполне подготовленный к печати: «Образцы народной словесности монгольских племен».

Но, конечно, такое положение не может долго продолжаться. Тюркология самим своим материалом давно уже была вовлечена в общую работу по исследованию Средней Азии и привлекла к себе многих ученых из других областей. Очевидно, наступает пора и для монголоведения тем более, что оно может выступить достаточно вооруженным и подготовленным. Монголисты прежде всего должны заявить, — именно заявить потому, что до сих пор достижения монголистики остаются для большинства неизвестными по разным обстоятельствам, — что они знают монгольские наречия, старые и новые; знают в общих чертах историю монгольского языка; что в их распоряжении находятся письменные памятники, восходящие к эпохе начала исторических монголов и почти непрерывной нитью тянущиеся до наших дней. Но главное, о чем следует заявить монголистам — следующее: монгольский язык, в общем, является по сравнению с двумя своими родственными языками необычайно архаичным и богатым, и в то же время, благодаря различным историко-социальным условиям, необычайно легким для проникновения в него разных иноязычных элементов. Так называемый же «письменный» язык монголов, отличный от всех известных монгольских наречий, оказывается архаичным курьезно; хотя древнейшие его памятники не восходят ранее XIII века, тем не менее он представляет степень развития языка более древнюю, чем орхонские памятники для языка турецкого.

Уже в работах F. W. K. Müller'a, K. G. Залемана, R. Gauthiot, Ф. А. Розенберга указывалось несколько согдийских слов, которые, очевидно, через посредство уйгурской письменности проникли к монголам. В недавно вышедшей (в 1919 г.) книге B. Laufer'a: *Sino-Iranica*¹ — уже целая глава посвящена иранским элементам в монгольском языке. Вместе с тем выясняются многие вопросы, связанные с индо-европейским языкоизнанием Средней Азии. Все это заставляет победить в себе разные сомнения и сделать попытку выяснения отношений монгольского языка не только к турецкому, в частности уйгурскому, но и дальше к другим языкам, повлиявшим на самый уйгурский, сделать попытку разъяснить влияния иранских и других индо-европейских языков средней Азии, хотя бы и не непосредственного, на монгольский языковый мир, выяснить, какие элементы попали к монголам, в их речь и письмо, в какую эпоху из старых очагов культуры Средней Азии?

Вопросы взаимных языковых отношений, заимствований одного языка из другого интересны не только с одной лингвистической точки зрения. Они любопытны во многих и многих отношениях: слова заимствуются народами друг у друга всегда вместе с идеями или материальными предметами, которые они обозначают; изучая заимствования, мы изучаем передвижение идей и вещей. Но поэтому особенно важно обосновывать заимствования одного языка из другого твердыми историческими и лингвистическими данными; в языковедении известна не одна только «вульгарная психология» достаточно применима и «вульгарная этимология».

достаточно применима и «вульгарная этимология».

Монголы не могли вступать в непосредственное сношение с народами, говорившими на старых индо-европейских языках Средней Азии, потому что языки эти угасли к эпохе появления монголов на историческом поприще; монголам пришлось столкнуться только с позднейшим иранским языком, занесенным в Среднюю Азию: с персидским, с ново-персидским. Но такое положение не мешает монголам иметь отношение и к древним индо-европейским средне-азиатским языкам и заимствовать из них благодаря тому, что они, монголы, подверглись большему культурному влиянию уйголов, благодаря проникновению к монголам уйгурской письменности. Уйгуры же, как и некоторые другие турки, находились в непосредственных сношениях с народами, говорившими и писавшими на старых индо-европейских средне-азиатских языках и находились под большим их влиянием. Все это давно уже стало известно и в настоящее время, когда языки Центральной Азии, арийские и другие, индо-европейской семьи, воскресли в горне европейской науки к новой жизни, можно уже говорить о размерах и деталях этого влияния индо-европейских языков на уйгурский и турецкий языковый мир вообще и через него на монгольский.

В настоящее время благодаря исследованиям целого ряда ученых разных специальностей достаточно ясно представляется, какие языки индоевропейской семьи жили в течении первого тысячелетия нашей эры в Средней Азии. Среди них первое место занимают языки иранские: согдийский и язык, так называемый П-й, который теперь все чаще и чаще называют восточно-иранским или хотанским. Кроме того в Средней Азии имел известное распространение, хотя бы в качестве языка письменности, пехлеви— средне-персидский. Если язык хотанский был распространен только в Хотанском оазисе и, быть может в других ближайших оазисах Восточного Туркестана¹, то на гораздо более широком пространстве распространен был в Средней Азии другой иранский язык: согдийский. Язык этот употреблялся

¹ Field Museum of Natural History, publication 201, Anthropologic. S., v. XV, N° 3; Sino-Iranica, Chinese Contributions to the History of Civilization in Anc. Iran, With Special Reference to the History of Cultivated Plants and Products. The Blackstone Expedition.

¹ Язык II-й был, повидимому, языком кушанов и был занесен последними в Индию. Ср. V. Smith, *The Oxford History of India*, 1919, p. 130, 137.

не только в Согдиане; согдийские колонии проникают в бассейн Тарима и в Китай, согдийская надпись оказывается в Монголии наравне с орхонскими, согдийские документы обнаруживаются в развалинах великой китайской стены; в известную пору согдийский язык делается «lingua franca» Центральной Азии¹.

Не иранским индо-европейским языком Средней Азии является язык, который начали было называть тохарским, нанимавшись его предварительно языком I-м, но затем название это стало употребляться все реже и теперь язык этот называют, находя в нем два совершенно различные наречия, кучарско-карашарским.

Какие собственно народы говорили на языке хотанском, а также на кучарско-карашарском, мы не знаем и последние исследования в этой области, нам доступные, не только не проясняют мрака, висящего над этим вопросом, но еще более сгущают его². Быть может это происходит потому, что за решение этого вопроса берутся главным образом филологи, а не специалисты-историки. Но как-бы то ни было, совершенно определено известно, что уйгуры переводили с одного языка, I-го или II-го, хотанского или кучарско-карашарского, буддийские произведения и заимствовали из этого языка, который они называли языком тохт³, т. е. тохарским; по монгольски тоγар < тиб. tho-gar ~ tho-dkar⁴ (см. напр. монг. Парижский Ганджура, Дулба IV, f. 108: тоγар ulus-un jaγun ūkin «сто девиц страны тохарской»). Любопытно отметить, что современные монголы тиб. thogar передают уже через χotong «хотонец, туркестанец, уроженец Восточного Туркестана», (см. напр. Tarantāha, Жизнь Будды, монгольск. перевод, бурятск. xyl., f. 88: χotong ḡorin-i jaγun ūkin-nügħid «сто девиц хотонской, туркестанской страны = тохарской»)⁵. Теперь спор идет уже не о народе, а о языке. К какому языку надо отнести уйгурское (и тибетско-монгольское быть может) название тохт⁶; иначе: с какого языка уйгуры делали переводы буддийских текстов и оставили об этом пометку в сделавшемся знаменитом калофоне Maitrisamit, с хотанского, или с кучарско-карашарского?

¹ См. P. Pelliot, *Les influencees iraniennes en Asie Centrale et en Extrême-Orient*, Paris, 1911. R. Gauthiot, *Essai de grammaire sogdienne (Première partie)*, Introduction, Paris 1914—1928, Mission Pelliot en Asie Centrale.

² Это хорошо видно по статьям, принадлежащим выдающимся ориенталистам, в сборнике в честь Hirth'a, появившемуся в 1920 г.

³ Форма эта является тибетской этимологией: «белая голова». Обычная манера тибетцев переводить или этимологизировать собственные имена и названия.

⁴ Тибетский автор приводит цитату из Ганджура, приведенную нами выше (из соответствующего места монгольского Ганджура). V. Smith, как известно, присоединился ко взгляду Стала-Гольстейна по вопросу о языке «кушанов»; Sieg и Müller по прежнему язык кучарско-карашарский называют «тохарским». Можно надеяться на то, что восторжествует теория Стала.

F.W.K. Müller и Sieg по прежнему хотят видеть в языке кучарско-карашарском подлинник уйгурского перевода. Но это встречает возражение Sten Konow'a, который удачно указывает, что ряд уйгурских слов, относимых вышеупомянутыми немецкими исследователями к «тохарским», т. е. к кучарско-карашарским заимствованиям, на самом деле оказываются заимствованиями хотанскими¹. Повидимому вопрос этот в настоящее время, при наличии наших материалов решен еще быть не может, т. е. вопрос, с какого языка уйгуры перевели Mairtrisamit? Очевидно, необходимо в данном случае настаивать на различиях и расщеплении вопроса. Ведь, действительно: очень важно установить, с какого именно языка перевели уйгуры тот или другой текст; но с установлением этого совсем не исключается возможность постановки вопроса о том, не переводили ли уйгуры, хотя в настоящий момент у нас и нет прямых письменных указаний, других текстов с другого языка Восточного Туркестана, а главное, не производили ли они заимствований не только из одного, но и из другого соседнего индо-европейского средне-азиатского языка? Не надо забывать, что культура уйгуров шла из разных источников. Уйгуры, хотя и переводили с хотан. и кучар., тем не менее пользовались согдийским алфавитом и производили заимствования из согдийского языка.

Разные исследователи: F.W.K. Müller, S. Lévi, E. Leumann, Staël-Holstein, Sten Konow² указали уже на несколько слов в уйгурском языке, как на заимствованные из индо-европейских языков Центральной Азии; при чем указывался, как источник заимствования не только кучарско-карашарский, но и хотанский. Несколько примеров могут показать, как надо быть осторожным при рассмотрении подобных вопросов и как надо осторожаться преждевременных решений.

В 1911 г. S. Lévi писал³, что кучарское слово šambāne, = по значению скр. bhikṣu и этимологически = скр. cāraṇa, > Σαραναῖς Александра Полистора, было заимствовано согдийцами в форме бин *šaman. S. Lévi прибавляет, что в восточно-иранском, т. е. хотанском, встречается

¹ См. Sten Konow, Beitrag zur Kentnis der Indoskythen, Festschrift für Hirth, статья же Müller'a и Sieg'a: Mairtrisamit und «Tocharisch» осталось для меня недоступной.

² См. S. Lévi, Le «Tocharien Bi langue de Koutcha», J. A. XI, 1913, p. 380 (ср. этимологию Grierson'a: J. A. X, 1912, p. 342); Leumann, Zur nordarischen Sprache und Literatur, p. 85, 89, 141; Sten Konow, Beitrag zur Kentnis der Indoskythen, Festschrift für Hirth, p. 284—285; Staël-Holstein, Bemerkungen zu den Brähmiglossen des Tībaastvistik-Manuscripts, Biblioth. Buddh., XII; его же: Сюань-Дзан и результаты современных археологических исследований, «Записки», т. XX, стр. 019; его же Tocharisch und die Sprache II, ИРАН, 1908, p. 1871; F.W.K. Müller, Beitrag zur genaueren Bestimmung der unbekannten Sprachen Mittelasiens, S.K.P.A.W., 1907, p. 958 ss.; F.W.K. Müller und E. Sieg, Mairtrisamit und «Tocharisch», S.B.A.W., 1916 (видеть еще не пришло).

³ J. A. t. 17, 1911, p. 445-6.

соответственно совершенно другое слово: *āśīrī*. Но прошло совсем немного времени,—уже в 1912 г. E. Leumann издал хотанский текст, где слово это встретилось¹,—и выяснилось, что в хотанском языке не только попадается слово, соответствующее скр. *śatāra* и кучар. *śamāne*, а именно *śśamana*, но что в хотанском совершенно закономерно скр. *śt* > хотан. *s*², чего нельзя сказать о языке кучарском. Кроме того до сих пор не удалось, насколько мне известно, установить кучарско-карашарские заимствования в согдийском; хотанские же обнаружены, напр.: согд. *dykh *lekhā* < хотан. *lekha* «буква», как это указал R. Gauthiot³.

Другой пример: турецко-монгольское слово *tūmen* «10.000». S. Lévi и Meillet склонны видеть в нем кучарско-карашарское заимствование: кучарское *tūpane*, *tūpane*, карашарское *tūmāt*⁴; B. Laufer считает это слово индо-европейского происхождения, но попавшим к турко-монголам через посредство персидского⁵. Но вот в недавнем своем докладе в заседании Восточного Отделения А. Общ. Н. Я. Марр указал на возможность иного яфетидологического объяснения этого слова. Вопрос о кучарско-карашарском происхождении турк.-монг. *tūmen* таким образом никак не может считаться решенным.

Впрочем в выше-приведенных примерах исследователями не указывалось лингвистической необходимости признания той или другой уйгурской этимологии.

Можно указать еще несколько слов из индо-европейских языков Восточного Туркестана, созвучных турецким и монгольским, но индо-европейское происхождение которых в алтайских языках доказать пока невозможно. Возьмем, например, хотанское слово *rīfa* «писать» и производное от него: *rīfaka* «письмо, документ». Как хорошо, казалось бы, признать в этих словах прототип старо-турк. *bitig* < v. *biti-*, и монгольские формы нисколько не противоречат: монг. *biči-*, *bičig* восходят, ведь, к **biti-*, **bitig*. И общие рассуждения, казалось бы, говорят в пользу этой этимологии: какое же слово не позаимствовать варварским туркам от своих культурных соседей, как не то, которое обозначает письмо? Но для настоящего доказательства этой гипотезы надо объяснить, почему хотан. *đ* > турк.-монг. *t*; каким образом хотан. *i* и *ä* (= *i*) > турк.-монг. *i?* Но самым главным аргументом против признания обязательности этой этимологии будет следующее: нам известно, что в ряде языков существуют слова, обозначающие «письмо»,

¹ Leumann, Zur nordarischen Sprache und Lit., p. 187.

² См. Sten Konow, Khotan Studies, J. R. A. S., 47, 1914, p. 859.

³ Essai de grammaire sogdienne, p. 18; J. R. A. S. 1912, p. 352—3.

⁴ M.S.L., v. XVII, 1912, p. 281—294; J. A. XI, 2, p. 380.

⁵ T'oung Pao, XVI, 1915, p. 276.

которые восходят в конце концов к китайской форме *rit*: манджр. *bitxe*, мадьяр. *betű*, самоед. *фаду*, тхб. *bir* etc¹. Более основательной, повидимому, является следующая этимология: хотан. *tanka*² «мелкая монета» > турк.-монг. *tengge*, течке, течгэ.

Гораздо важнее для нас следующее: еще Сталь-Гольстейн указал³, на чем впоследствии особенно настаивал Sten Konow⁴, что в хотанском языке часто старо иранскому *a* соответствует звук, который графически изображался через *ä*, но который очень приближался к *i*. Было отмечено также, что в словах, заимствованных с санскритского, повторяется тоже явление: скр. *a*, в особенности на конце слов, = хотан. *ä*. Стало, как и Sten Konow'ым впоследствии, было указано также, что этою особенностью можно объяснить многочисленные уйгурские формы, имеющие i там, где a, соответствующие санскритские слова содержат a⁵. Большинство этих слов—собственные имена буддийского Писания. Монгольский язык, монгольская письменность заимствовали интегрально все эти хотано-уйгурские формы и сохранили их в неизменном виде до наших дней; благодаря монгольскому языку мы можем знать гораздо большее количество подобных же примеров, потому что число известных уйгурских текстов не так уж значительно. Монгольский язык кроме собственных имен сохранил и другие слова санскритского происхождения из области буддийской терминологии, которые он конечно почерпнул из уйгурской письменности, в которых наблюдаются эти хотан. *i* = скр. *a*; например: *budgali* < хотан. *pudgālā* (уйг. промежуточная форма еще не отмечена) < скр. *pudgala* «особь, особа, индивидуум». Монгольский язык является, таким образом, верным хранителем старых хотанских буддийских терминов и в будущем, когда монгольская буддийская литература будет изучена лучше, можно ожидать, что монгольский язык окажет помощь при истолковании хотанских терминов.

К примерам, приведенным вышеупомянутыми исследователями, можно прибавить еще следующее: хотан. *winai*, куч. *winai* > уйг., монг. *vinai* = скр. *vinaaya*; скр. *śasana* > хотан. *śasam* > монг. **śaśan* > *śaśin*; куч. *kerčye* > монг. *qarši* «дворец»; (возможно, что и монг. *gēg* «дом, юрта»)

¹ Ср. Рамстедт, Сравнит. фонетика монг.-письм. и халх.-ург., стр. 11.

² Ср. Hobson-Jobson, 1903 new edition, p. 896—897. Можно думать, что слово это было занесено в Индию кушанами.

³ См. его Bemerkungen zu den Brähmiglossen des Tiśavastvistik-Manuscripts, и особенно его Tocharisch und die Sprache II, ИРАН, 1908, p. 1967.

⁴ Sten Konow, The Vajracchedikā in the old Khotanese version of E. T., Introduction, Ms. Remains of Buddhist literature found in E. T..., edited in conjunction with other scholars by R. Hoernle, 1916, v. I, p. 221.

⁵ Sten Konow, Beitrag zur Kenntnis der Indoskythen, Festschrift für F. Hirth, 1919, p. 234—235.

принадлежит к индо-европейским заимствованиям: скр. *gṛhāḥ*, гот. *gards*, стар.-англ. *geard*, стар.-слав. *gradъ*, куча. *kerčye*, балूч. *ghar*, пендж. *ghar*, кашмир. *gar*, цыган. *k'ep'*; ср. тиб. *gur*)¹.

Нельзя пройти молчанием одного обстоятельства. Хотанские формы с *i* = скр. *a* проникли к монголам не только через посредство уйгурской письменности, но и через посредство Тибета. В этом не может быть ничего удивительного: в настоящее время хорошо известно, какая связь была одно время у Тибета с Хотаном, известно, что Тибет получил многое из области культуры именно оттуда. Раздаются голоса даже, напр. Ноегалья и А. Н. Francke², о том, что Тибет позаимствовал свое письмо из Хотана. Как бы то ни было, в тибетской письменности встречается ряд слов санскритского происхождения в хотанской форме на *i* = скр. *a*; слова эти и были затем занесены в Монголию, что можно подтвердить документально³.

Санскритские слова, значит, попали к монголам, в монгольскую письменность в хотанской форме двумя путями: через уйгурскую письменность и через Тибет; не исключена, впрочем возможность занесения хотанских форм в уйгурскую письменность через посредство Тибета. Нам, ведь, известно, что уйгуры переводили буддийские произведения с тибетского языка, уйгурские и тибетские буддийские монахи в монгольскую эпоху встречались за общей литературной работой; ново-уйгуры (сары јувур) кончили тем, что оставили свою родную уйгурскую письменность и стали пользоваться тибетской. Затем некоторое количество Восточно-Туркестанских слов попало к монголам через китайское посредство; например: куча. *ṣamīr* (= скр. *ṣṭāmaṇga*) > кит. *sha-mi* > монг. **šami* > *sabi* (ср. дарб.-Кобд. *шамир* || *шайир*); слово это встречается и в уйгурском, во всяком случае в ново-уйгурском (см. предисловие С. Е. Малова к изданию уйг. версии *Suvargaprabhāśa*, стр. VI: *sabi*; наверное, надо поправить: *šabi*)⁴.

Однако приходится усиленно настаивать на том, что далеко не все уйгурские и монгольские слова санскритского происхождения с *i* = арийск. *a* восходят к хотанским формам; как будет видно из дальнейшего, многие из них объясняются совершенно по другому. Не нужно поэтому много говорить о том, с какой осторожностью следует относиться к «хотанским» формам в уйгурской и монгольской письменности.

¹ Должен оговориться, что считаю последние две этимологии сомнительными.

² См. Ноегалья, MS Remains found in E. Turkestan, 1916, p. XVII ss.; Н. Francke, Epig. Ind., XI, 266 ss.; возражений В. Laufer'a (J. A. O. S. 1918) видеть не пришлось.

³ Должен отметить, что для меня осталась недоступной статья В. Laufer'a в *T'oung Pao*; *Loan-words in Tibetain*, 1916, pp. 408—552.

⁴ О влиянии кучарского языка на китайский см. S. Lévi, Le «Tokharien B», langue de Koutcha, J. A.. 1918, XI, 2, p. 879.

Таким образом пока, впредь до накопления дальнейшего материала, можно установить, что известное количество заимствований, главным образом из области буддийской терминологии, из индо-европейских языков Восточного Туркестана, хотанского и кучарско-карашарского, обнаруживается в уйгурском и через его посредство в монгольском при чем, как это показывал еще в 1910 г. Сталь-Гольстейн, большинство этих заимствований падает не на кучарско-карашарский, а на хотанский. — «Можно надеяться, — писал Сталь-Гольстейн¹, — что дальнейшее изучение языка II, то есть литературного языка Хотана, будет способствовать разъяснению многих слов, которые встречаются в уйгурских и монгольских переводах буддийских сочинений и происхождение которых пока еще не удалось установить». Повидимому, эта надежда Сталь-Гольстейна не оправдается. Оказывается другому языку и другой письменности было суждено повлиять на уйгурский и монгольский языки в гораздо большей степени.

Этот другой язык — язык согдийский, который теперь благодаря работам R. Gauthiot, E. W. K. Müller'a, Andreas'a, К. Г. Залемана и Ф. А. Розенберга выяснился для нас с достаточной ясностью. Согдийскому языку, совершенно забытому, название которого даже померкло, теперь чудесно воскресшему в кабинетах европейских ученых, пришло сыграть большую культурную роль по отношению турецких и монгольских племен. И в то время, когда в Европе шла трудная работа по восстановлению этого иранского языка, по разбору текстов, написанных на этом языке, дошедших до нас от разных эпох, в монгольских юртах, в повседневной жизни постоянно звучали сохранившиеся через много столетий слова этого согдийского языка, переписывались книги, где в неизменном виде сберегались согдийские формы.

В настоящее время после работ R. Gauthiot² не может быть никаких сомнений относительно происхождения, развития и распространения среди уйгуров и монголов согдийского алфавита. Но подобно тому, как особенности уйгурской орфографии, как это установил Gauthiot, объясняются из согдийского, совершенно также и особенности монгольской орфографии, различные этапы развития монгольского письма и даже образование ойратского, калмыцкого алфавита объясняются письмом согдийским; знание одной уйгурской письменности при этом недостаточно, для полного понимания монгольского письма необходимо восходить к согдийскому. Монголы позаимствовали также от согдийцев через посредство уйгуров согдийскую систему

¹ Сюань-Дзан и результаты современных археолог. изысканий, «Записки», т. XX, стр. 019.

² См. *Essai de grammaire sogdienne*, p. 4, 1—11.

транскрипции иноязычных слов, в частности санскритских и праокритских; система эта с очень небольшими изменениями долго имела силу в монгольской письменности и применяется порой и до сих пор, потому что новая система — алфавит, так называемый галиг, не мог ее вытеснить окончательно¹.

Так как среди уйгуров были распространены манихейство, христианство и буддизм, то в уйгурском мы находим согдийские заимствования манихейского, христианского и буддийского происхождения. Это приходится отметить особо, потому что согдийские христианские и манихейские тексты отличаются от согдийских буддийских не только по алфавиту, но по языку, причем, как это было вполне убедительно показано Gauthiot, согдийские буддийские тексты являются, как с точки зрения письма и орфографии, так и с точки зрения языка наиболее древними и последовательными. Монголы сохранили согдийские элементы, главным образом, буддийского происхождения, хотя нельзя отрицать некоторого проникновения к ним согдийских слов, христианских и манихейских.

Несколько заимствованных турками-уйгурами, т. е. пользовавшимися «уйгурской» письменностью, согдийских слов было уже указано F. W. K. Müller'ом², K. Г. Залеманом³ и R. Gauthiot⁴; большинство этих слов, если не все, попали далее и к монголам. Обратимся же теперь к этим согдийским заимствованиям в монгольском, до сих пор еще не отмеченным, хотя, нужно прибавить, еще в 1908 и 1913 г. K. Г. Залеман и F. W. K. Müller отметили, что многие согдийские буддийские *termpī* обнаруживаются в монгольском⁵. Действительно, анализ монгольской буддийской терминологии показывает, что большинство этих *termpī* согдийского происхождения.

Монголы также, как и уйгуры сохранили в своей письменности согдийские слова почти без всякого изменения: согдийцы читали свои письма по своему, монголы и уйгуры те же согдийские слова по своему. Главная разница заключается в том, что уйгуры и монголы согласно своей системе приспособления семитического согдийского алфавита, который, собственно говоря, не обозначает гласных, согдийское *yod* (у) стали читать всегда, как i, согд. *waw* (w), как о и u, а согд. *āleph* (‘) как а и e; затем не надо забывать, что согд. ȝ и уйг., монг. v, согд. r и уйг., монг. r, b, согд. Ȱ и уйг., монг. d — одни и те же буквы. В известных случаях можно отметить,

¹ Подробно каснувшись вопросов о происхождении монгольского алфавита от согдийского и дальнейшем его развитии я предполагаю в особой статье. Уже теперь несомненно, что взгляды Г. И. Рамстедта, высказанные им в его работе «Сравнит. фонетика монг.-письм. и халх.-ург.» оказываются устаревшими.

² Uigurica I, p. 47; Uigurische Glossen, Festschrift für F. Hirt, p. 313—314, 319—321.

³ Manichaica V, p. 1181.

⁴ Essai de grammaire sogdienne, p. 112.

⁵ Manichaica V, p. 1181; Uigurica I, p. 47.

в противоположность мнению, высказанному R. Gauthiot, что согд. *waw* > уйг. и монг. v; примеры: согд. *pug̚’n* > монг. *nūvan*, согд. *δyw̚’t* **δw̚’dāt* > монг. *divdat* (скр. *Devadatta*), согд. *t’gnu* (< скр. *dhārapī*) > монг. *tarni*. Последний пример наглядно показывает, как верно и точно монгольская письменность и монгольский живой современный язык, в котором это слово *tarni* > *tarñi* общизвестно, сохраняют согдийскую традицию. По правилам своей фонетики монголы могли бы совершенно свободно принять санскритскую форму *dhārapī*, несколько изменив, быть может, последний слог, но тем не менее они остались верны старому согдийскому слову, которое имеет начальный глухой, потому что в согдийском скр. *dh* == согд. *t* совершенно последовательно в словах санскритского и праокритского происхождения¹.

Но очень часто уйгуры и в особенности монголы производили огласовку принятых ими согдийских слов, напр.: согд. *pr’im* ~ *pr’im’p* «брахман» > уйг. *bıgama*, *bıgama* > монг. *bıgaman*, *bıgman*; согд. *sm’ug* «Сумера (гора)» > уйг., монг. *sumır*. В согдийском языке, как и в других иранских языках, начальные краткие гласные, протетические, или этимологические, имели стремление к уничтожению: в согдийских текстах даже с традиционной орографией встречается много дублетов с гласным и без гласного; в живом же языке на место исчезнувшего гласного оказывался очень краткий гласный элемент между двумя согласными, напр.: **zīwān* «жизнь» > **z̚wān* > ‘*zw’n* **z̚wān* > **z̚wān*². Всегда надо также иметь в виду непрочность неударных гласных в согдийском языке. Уйгуры, а затем и монголы, хотя, в общем, и брали согдийские слова в том виде, в каком они являлись в согдийской письменности, но тем не менее они, ведь, не только писали, но и читали эти заимственные к ним слова, произносили их в живой речи и потому должны были так или иначе следовать какой-нибудь системе чтения доставшихся им согдийских слов и даже целых согдийских текстов, например транскрибированных по согдийски *dhārapī*; к этому же вело их признание согдийских *yod*, *waw* и *āleph* за гласные. И вот мы видим, что уйгуры и монголы часто в своих огласовках заимствованных ими согдийских слов следуют согдийской традиции, т. е. стараются при помощи своих алфавитов, того же согдийского происхождения, представить согдийские слова в том виде, в каком они произносились согдийцами, или читались; например: согд. *m̚’r̚’c* **ma/ārāc* > уйг. *m̚arač*, *m̚qarač* > монг. *sh̚agaca*, *sh̚agaca* «шабага». Конечное a в монг. *sh̚agaca*, *sh̚agaca* появляется, очевидно, не под влиянием краткого согдийского *, но по требованию монгольской фонетической

¹ Gauthiot, J. R. A. S., 1912. 2, p. 639, Fragment final de la *Nilakanthabharati*.

² Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 40.

системы, не теряющей ё и ю на конце слова; подобным же образом старотурецкое qılıñč > монг. qilinča > kilinče. Слово maqarač, как собственное имя, встречается уже в орхонских памятниках и там, очевидно, являясь согдийским заимствованием¹. В орхонских памятниках мы встречаемся еще с одним словом согдийского происхождения, попавшим и к монголам. Слово это — čintan *čindan «сandal», которое не может быть объяснено из китайского². В согдийской письменности слово это является в форме čntn < скр. čandana. В согдийском же языке, как известно, звонкий взрывной зубной встречался только после з и н и обозначался через т, например: bñk *pándak «раб», ср. перс. banda³; таким же образом: скр. ānanda > согд. "n'nt" *ānanda > монг. ananda. Орхонские турки, приняв туже систему письма, что и согдийцы, стали писать čintan, употребляя сложный знак нт для обозначения ид.

Как в уйгурском, так и в монгольском интересующее сейчас нас слово встречается в формах: čindan, čindan. Теперь возникает вопрос, откуда же эти ё, ю в первом слоге тогда, как санскритская праформа⁴: čandana; ср. перс. čandān, čandal, армян. čandab, араб. ḫandal? Мы не знаем точно, как произносили согдийцы čntn, но на основании турецкой и монгольской формы имеем основание думать, что это заимствованное из санскритского слова настолько вошло в употребление в согдийском языке, что его стали произносить на согдийский лад с беглым, очень кратким гласным, который в виду сильно палатализирующего влияния ё имел тенденцию приближаться к ю, в каком виде он и был воспринят турками и монголами, ср. согд. č'γ *cīgāγ⁵.

То, что было сейчас сказано относительно скр. čandana > согд. čntn > уйг. čindan, монг. čindan, может объяснить еще некоторые явления согдийского и монгольского языка. В согдийском старый аффрикат ё сохранился только в редких случаях, а именно после н, обозначался же он через ё, изредка через ё; в виду этого в заимствованных словах в согдийском скр. ё дает согд. ё⁶. Большое количество этих заимствований с ё = скр. ё перешло в уйгурский, который тоже не знал фонемы ё, а также и в монгольский, который, наоборот обладал и обладает часто встречающейся фонемой ё, наблюдавшейся в самых различных положениях. И тем не менее монголы верно

¹ V. Thomsen (см. Turcica, M. S. F. O. XXXVII, p. 14) неопределенно указывает на индийское происхождение этого слова (*Mahārāj?).

² См. V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, p. 42, 185.

³ См. Gauthiot, Essai de grammaire sogd., 189.

⁴ Ср. B. Laufer, Sino-Iranica, 1919, p. 459.

⁵ Ср. Gauthiot, Essai de grammaire sogd., p. 86; см. P. Pelliot, T'oung Pao, XV, p. 248.

⁶ Ср. Gauthiot, Essai de grammaire sogd., p. 156.

сохранили дошедшее до них согдийские формы с ё = скр. ё. Впоследствии у монголов появились также санскритские заимствования, но приведение к ним через Тибет, где интересующая нас сейчас фонема трактуется по другому.

В словах, попавших к монголам через тибетское посредство, скр. ё передается монг. ј ~ ј > з < тиб. j (dz)⁷, таким образом тибетцы всегда транскрибировали скр. ё, усвоив непальское чтение санскритских текстов; например: монг. rājagṛīja < скр. rājagṛīha | монг. gačakγγ < уйг. gačakγγ⁸ монг. jati ~ jati, бант. дэрб.-Кобд. зати, дэрб.-Астр. зати < тиб. jā-ti (zati) < скр. jāti «мускатный орех»; монг.-письм. гаја ~ гаја (что монголы, по большей части, читают неправильно: ранзя, читая знаки " (аз), т.-е. А, за а - и, как это обычно в монг. письменности) < тиб. га-ја (раја) < скр. rāja. То же самое, т. е. тиб. j (з) = скр. j (ё), мы наблюдаем не только в тибетской транскрипции санскритских текстов, но и в санскритских заимствованиях, например: тиб. 'jab < ja-ra < скр. jara «мантра, волшебная формула». С другой стороны тибетцы в редких случаях заимствования с монгольского монг. ј > з, з передают через ё, например: тиб. ja-sags < монг.-письм. jasaγγ, халх. засак, бант. зас'к «правитель, князь, правитель, начальник округа». Благодаря тому, что монголы для передачи скр. ј > тиб. ј (з) пользуются то знаком ј > з, з особой азбуки, употребляемой для транскрипции иностранных слов, то соответствующим знаком своего обычного алфавита ј > з, з, получается впечатление будто монголы восстанавливают правильную транскрипцию скр. ё, тогда как это происходит случайно, потому что на монгольской почве ј > з, з = ј > з, з.

Между тем, в словах, заимствованных монголами из санскрита через посредство уйгурской письменности в свою очередь получившей это санскритское наследие от согдийцев, скр. ё > согд. ё > монг. ё. Например: скр. vajra > согд. βčr > уйг. včir (> vačir, očir, халх. очир) | скр. vajra > тиб. ba-jag > монг. bačag, bačar > халх., бант. баџар. Можно думать, что огласовку через ю согдийской формы βčr, наблюдавшуюся в уйгурском и монгольском, следует объяснять опять таки через согдийское произношение, в котором, вероятнее всего, утвердилось чтение βčr как *βačir, в виду краткости вставного гласного, зависящего кроме того от палатализирующего влияния аффриката ё.

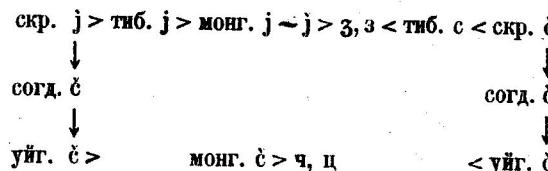
¹ Знаки тибетской письменности транскрибируются мною по системе, предложенной P. Pelliot, см. Quelques transcriptions chinoises de noms tibétains, T'oung Pao, 2-8 t. V. XVI, № 1, Mars 1916, p. 8.

² Ср. Staél-Holstein, Bemerkungen zu den Brähmiglossen des Tjāstvistik-Manuscripta, Bib. Budd., XII, p. 181.

³ В тюрк. и уйг. встречаются также другие начертания этого слова, см. J. A. K. Müller, T'oung Pao, I, p. 18, второе изображение на факсимиле (видимо

С другой стороны в санскритских заимствованиях монг. ё и ё > з, з восходит к санскр. ё. В случаях, когда санскритское заимствование попало к монголам через посредство согдийцев — уйгуров, сакр. ё > монг. ё; в тех-же случаях, когда санскритское слово попало к монголам через Тибет, сакр. ё > монг. ё, ё > з, з, потому что тибетцы, усвоив непальское чтение санскрита, передают сакр. ё через с (з). Например: сакр. *candana* > согд. *čintā* > уйг. *čindan* > монг. *čindan* || сакр. *candana* > тиб. *can-dan* > монг. *jandan* ~ *jandan* > халх. *zandāc*, бант. *zandū*, занди. Монголы обычно тиб. с читают, как з, з, которому в монг.-письм. соответствует ё ~ ё (> з, з); транскрибируя тибетские слова, монголы тиб. с передают то через ё, которое читают, как з, з, то через ё, которое тоже читается монголами, как з, з: тиб. с = монг. ё, ё. Примеры: тиб. *coñ-kha-pa* > монг.-письм. *jong-kha-pa* ~ *jong-kha-pa* (читается зон'хаба, зонкаба) > халх. *zuñkhw*, бант. *žuñkhw*; тиб. *sam-pa* > монг.-письм. *jamba* ~ *jamba* > халх. замба, «поджаренная ячменная мука, кушанье из поджаренной ячменной муки». Благодаря этому в русской научной и популярной литературе установился обычай передавать прозвание основателя церкви «желтошапошников» через «Цонхава», «Дзонхава», т. е. следуя монгольскому произношению.

Таким образом вышесказанное о трактовке сакр. ё и ё в монгольском можно представить в следующей схеме:

На основании устанавливаемого соотношения: сакр. ё > согд. ё > уйг. ё > монг. ё (при сакр. ё > тиб. ё > монг. ё ~ ё > з, з) можно установить, что ряд монгольских слов восходит очевидно к согдийским формам через уйгурское посредство, хотя в уйгурском далеко не все эти формы еще обнаружены, так как количество разобранных уйгурских текстов сравнительно не велико; еще меньше согдийских.

Примеры: монг.-письм. *bartagčin* > монг.-письм. *bertegčin* (такое чтение, т. е. е вместо а, появилось очевидно в виду наличия g, которое в монгольском встречается только в словах переднего ряда; поддержало такое чтение также и этимологические сближения (неверные) со словами: монг.-письм. *berte-* «быть поврежденным», *ber teng* «вред, порча», *ber tengkei* «поврежденный») «обыкновенный простой человек, кромешный, *profanus vulgus*. *tōtōtē*

греческих философов, глупец»¹ < согд. *† prtkčn* * *pṛtakčin** < скр. *pṛthag-jana*²; скр. *jātaka* > согд. *† ččk* ~ *† čtik* * *čadāk** > уйг. *čadik* > монг. *čadik* (> *čadiγ* ~ *čedig* > халх. ц'едик, бант. цедук; форма *čadiγ* — любопытное свидетельство о старании монголов отметить традиционное чтение — произношение этого слова с а; но эта попытка особого успеха не имела, форма *čadik* более «правильная» под влиянием этого конечного k, подобно тому как это указывалось выше, стала восприниматься как *čedig*, давшее в живых наречиях ц'едиг, цедик: слово это не имело в монгольском языке ассоциаций и потому не оказалось на лицо ничего задерживающего для сохранения более правильного чтения). Предположение восстановить согдийскую форму с двумя согласными, соответствующими одному санскритскому, основывается на следующем. В согдийском трактование старого t между двумя гласными различалось издавно по диалектам; так, согласно Andreas³ у, согд.-христ. t > d, согд.-маних. t > l⁴; к этому надо еще прибавить, что в согдийском (буддийск.) при помощи двух δ (ձձ), повидимому обозначался какой-то особый звук, во всяком случае отличный от того, для изображения которого пользовались знаком ձ⁵. Далее, встречая согд. *r'ttr* > монг. *badir* «чаша», восходящее к скр. *pātra*, необходимо объяснить, почему в согдийском в данном случае являются два t (tt)? Затем возникает вопрос, ответ на который тоже должен быть дан, почему в слове *badir* на монгольской почве появляется d тогда, как в ряде этимологически близких форм имеется t: скр. *pātra*, куча, *pātra*, хотан. *pāttarā*? Из выше приведенных, а также и других примеров мы знаем, что монголы удивительно верно сохранили согдийские формы и согдийскую традицию, поэтому можно предполагать, что в согдийской форме *r'ttr* два t (tt) являются не в силу влияния праокритизованного санскрита, в котором известны формы с удвоенными согласными, а для обозначения особого звука, близкого к звонкому взрывному зубному: d; не надо забывать при этом, что в согдийском вообще звонкий взрывной зубной (d) встречается только после z и n и обозначается через t.

По всем вероятиям к согдийским заимствованиям придется отнести следующие уйгурские и монгольские формы: уйг. *šrvk*, *sravak* > монг. *širavak* «срāvaka»; уйг. *prit* > монг. *birit* «preta»; уйг. *čmbudvīp*, *čmbudivīp* > монг. *čambudvib* «jambudvīpa»⁶; монг. *čit* «jeta»; уйг. *makišvri* > монг. *makišvri* «maheçvara»; уйг. *šastr* > монг. *šastir* «çāstra»; уйг. *č/čapt* > монг. *čayšabat* «çikşapada»; уйг. *dyan* > монг. *dyan* «dhyāna», etc.

¹ См. H. Kern, *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*, I, p. 408.

² Промежуточная уйгурская форма еще не обнаружена.

³ См. Gauthiot, *Essai de gram. sogd.*, p. 136.

⁴ См. Gauthiot, op. cit., p. 139.

⁵ Об этом слове см. P. Pelliot, *T'oung Pao*, v. XV, p. 248.

Итак, уйгуры, а затем и монголы, заимствуя согдийские слова, не только переписывали их из согдийских текстов, но принимали их в известном освещении, даваемом согдийским произношением, или согдийским чтением; согдийская традиция сохранялась. Тем не менее можно указать на несколько случаев, когда согдийские слова подвергались своеобразной трактовке на турецко-монгольской почве. Возьмем для образца любопытное слово, обозначающее «драгоценность», скр. *ratna* > согд. *rtny* (*radnə?). Уйгуры и монголы, заимствовав это слово от согдийцев, прежде всего отметили через aleph приставной гласный в виду требования уйгурской и монгольской фонетики, не терпящей г в начале слова; затем они приняли, согласно обычному правилу, согд. *u* за *i* тогда, как в данном случае это у служило в согдийском для обозначения совершиенно особого звука, приближавшегося к старо-славянскому *ъ* и игравшему большую роль в конце согдийских слов: согд. *rtṇu* > уйг., монг., *'rdeni* ~ *erdeni*¹. Можно привести еще несколько подобных же примеров, которые показывают, как согд. *u*, употреблявшееся в конце слов для обозначения особого звука, дает при заимствовании уйг., и монг. *i*, при чем ясно, что подобные слова ни в коем случае нельзя отнести, как казалось бы по первому впечатлению в виду того, что уйг., монг. *i* = хотал, *ä* (*i*) = скр. *a*, к хотанским заимствованиям, например: скр. *gr̥drakūṭa* > согд. *kr'ytkwty* > монг. *kridakuti*, *karidakuti*. В хотанском скр. *ratna* было заимствовано в формах *ratana*, *raṇna*, *rahna*; и в собств. им. в неизмененном виде, например *ratnaketi*², что лишний раз подтверждает невозможность признания уйг., монг. *erdeni* || скр. *ratna* за хотанское заимствование.

Из примера: — скр. *yaśodharā* > согд. *yš'wđrh* * *yaśōdara* > монг. *yašodari* — можно видеть, что согдийское *h* на конце слов служило тоже для обозначения особого краткого звука, как и у (ср. согд. *šug'*zsth > монг. *širavasti* «*Çr̥avasti*»); поэтому нельзя согласиться с P. Gauthiot (и следующим за ним B. Laufer'ом), что монг. формы *ubasanča* < согд. *'wp's'nčh* * *upasāñč** и монг. *šimpanča* < согд. *šmn'nčh* * *śimnāñč** сохраняют, быть может, старый согдийский образ, но что это не может быть доказано³. Впрочем фраза B. Laufer'a: — «R. Gauthiot is certainly right in observing that it is impossible to prove this interdependence; yet it is probable to a high degree and seems altogether plausible» — вызывает недоумение, потому что R. Gauthiot говорит именно о невозможности, по его мнению, доказать,

что согд. формы *'wp's'nčh* и *šmn'nčh* «a peut être été emprunté par le mongole sous sa forme ancienne»; в факте же заимствования этих слов монголами R. Gauthiot не сомневается. На основании всего вышесказанного ясно, что конечное *a* в монг. *ubasanča* и *šimanča* вторичного происхождения, появившиеся по требованию монгольской фонетической системы, не терпящей *č* на конце слов, совершенно также, как в монг. *maħaġača* < уйг. *mħaġač*, *mqaṛač* < согд. *šy'g'č* (скр. *mahārāja*).

Из согдийского языка к монголам попали не одни только буддийские термины. Несколько слов, так сказать, более житейских, заимствованных из согдийского уйгурями, а вслед за ними и монголами, было уже указано раньше. На одном из них позволю себе остановиться. F. W. K. Müller в статье своей в сборнике в честь Hirth'a совершенно верно, исправляя чтение В. В. Радлова, указал, что уйг. *sitir* восходит через иранские формы к греч. *statíρ*. Но F. W. K. Müller оставил без внимания замечания R. Gauthiot о том, что греч. *statíρ* > согд. *st'ug'* * *s'tēr*; уйг. *sitir* восходит, конечно к этой согдийской форме и было заимствовано уйгурями совершенно «правильно». Слово это попало и к монголам, что F. W. K. Müller и отмечает, в форме *sijir* (> *šiçir*, добавим, многих монгольских наречий); но F. W. K. Müller не дает никакого объяснения этой формы.

В монгольском языке *t* неизвестен перед *i*, недолгим *i*, потому что еще в обще-монгольскую эпоху *t* перед *i* развился в *č*. Точно также в монгольском не встречается перед *i* недолгим *d*. Правда, в словах, заимствованных из других языков *d*, *t* встречаются и перед *i*; но и в таких заимствованных словах, в случаях, если они упрочились в живой речи монголов, *t* и *d* редко когда остаются перед *i*, например: согд. *bûdhīn* (пехлеви-турфан. *dudym*)² > монг.-письм. *titim* «*dičbūnča*» > дэрб.-Астр. *tetüm*; монг.-письм. *badir* > халх. *badär*, байт. *badär*³ «*pātra*». Следовательно, мы могли бы ожидать, что уйг. *sitir* > монг. * *sičir*. Но в действительности разбираемое монгольское слово имеет не *č*, а *j*. Откуда это *j* и имеем ли мы право возводить его к * *t*, имеем ли право монг. *sijir* возводить к уйг. *sitir*? Монгольское *j* в известных случаях восходит к * *d*. Но турецкое, в частности уйгурское *č* часто соответствует монг. *j*, в особенности при взаимных заимствованиях, не книжных, а народных; например: монг. *jerge* // уйг., дж. *çerge* «ряд, строй»; монг. *jige* // уйг. *čüe* «сын сестры»; монг. *jiloča* > ойрат.-письм. *jilč* «поворот, возки» // дж. *čilau*; монг. *jir-jir* > *çip-çip* // осм.,

¹ См. Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 136.

² См. Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 138.

³ См. Б. Владимиров, О частницах отрицания при повелит. наклонении в монг. яз., ИРАН, 1916, стр. 352-353.

¹ Как в уйг., так и в монг. часто еще встречаются формы *erdini*, ср. P. Pelliot, T'oung Pa XV, p. 232; в монг. письменности встречается иногда и форма *radna*, заимствованная с санскритского через тибетское посредство.

² См. P. Pelliot, Un fragment du *Suvarṇaprabhāsūtra* en iranien orientale, M. S. L., t. XVIII, p. 26.

³ См. Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 112; Laufer, Sino-Iranica, p. 573-574.

дж. си́р-чи́р «звук чириканья»; тоже чередование ј и ё можно наблюдать и на монгольской почве, например: монг.-письм. уертиңчү // монг.-квадрат. уе́ттиң-ю́, байт., дэрб.-Кобд. јиртмү «мир, вселенная»¹; монг.-письм. чингис // монг.-квадрат. ји́н-гис «Чингис»; еще один пример, взятый из живой, даже интимной, поскольку это касается монгольского слова, речи: байт. (в некоторых местах только) цүку «девушка» (байт.-вост. зүку «сучка, самка») // турк.: вост.-турк. чүкен «молодая девица». На основании всего этого можно предполагать, с большой долей вероятности, что уйг. sitir попало к монголам не книжным путем, а было заимствовано живой монгольской речью задолго перед тем, как стало проникать в монгольскую письменность, почему и подверглось сильной обработке в духе монгольского языка: *t > č || j и s > ш: монг. ши́р < sijir < *sitir ~ *sičir < уйг. sitir < согд. st'ug *st'ēr < греч. στατήρ. К примерам употребления в монгольском слове sijir в значение статήρ, приводимым F. W. K. Müller'ом, можно прибавить еще следующий: überün ed mal-ni qudalduyad jaγun sijir altan-ni abcu... (Siddhi-kür, MS. Burd. Азиат. Муз., f. 77) «продав собственное свое имущество и скот и получив сто „статеров“ золота....».

Надо при этом заметить, что в устах монгольского народа многие слова согдийского происхождения сильно видоизменяются, хотя они и сохраняются в неизменном виде на страницах монгольских книг, монгольских рукописей, потому что слова эти, хотя они и являются termini буддийской культуры, давно уже стали достоянием обыденной речи монголов и постоянно употребляются ими в повседневной жизни. Большинство подобных изменений не может быть объяснено обычными фонетическими законами, действующими в монгольском языке. Объяснение надо искать в другом законе особого порядка, на который и в случаях заимствований, как и в других случаях жизни языков, обычно, обращается слишком мало внимания. Я говорю о законе ускоренного фонетического развития, проявляющегося спорадически в словах, употребляемых в обыденной речи очень часто, в словах, так сказать, истертых в языке, а также в словах, которые стали употребляться только в формальном значении, теряя свое обычное прямое значение, т. е. грамматикализироваться. С падением значения, а также с частным употреблением, занавешиванием слова всегда связывается и фонетическое изменение вне общего плана фонетических изменений данного языка, данной системы: ускоренное фонетическое изменение. Подобно тому, как в русском языке из «Александр Александрович» получается «'Iсан саныч», в монгольском некоторые заимствованные согдийские слова подвергаются

¹ См. Б. Владимиров, Турецк. элементы в монг. яз., Записки, т. XX, стр. 165; P. Pelliot, Tōung Rao, XV, стр. 282.

необъяснимым, казалось бы, изменениям; например: согд. sm'ug > монг.-письм. sumir > халх. сүмбүр, байт. сүмбр «Sumegi»; согд. šimn'ch «bhikṣuṇī» > монг.-письм. šimnanča > халх. ч'awyānč'a (откуда книжная форма чibaγanča), байт., дэрб.-Кобд. шашбānča; монг. qormusta < уйг. ḥogmūṣta восходит к согдийской форме, неизвестной до сих пор по буддийским текстам и отмеченной лишь в согд.-христиан. письменности: ḥ̄igmaztā¹; монг. qormusta «Indra» > байт. хормүкчүн «с. в. владыки злых духов»; турк.: тел. körmös «бес, злой дух»²; согд.-христ. šimnū³ > уйг. š(i)mnu > монг. šimnu > šimnus (plur., употребляемый в значении singul.) > халх.-зап. шолмö, шолмöс, байт., дэрб.-Кобд. шолмö, шолмöс «злой дух, бес, дьявол, черт»>монг.-книги. šilmu, šilmus.

Относительно последнего слова позволю себе сделать одно замечание. Иранистами было предположено, что согд.-будд. šim *šamān < скр. ṣṭa-śāmaṇa, восходящее к санскритской форме, быть может через посредство хотан. ššamana, служило, как для обозначения «bhikṣu», так и для обозначения «дьявола, Māga», почему согд. šim дало не только монг. šimnanča «bhikṣuṇī», но и монг. (и уйг.) šimnu (šimnu) «злой дух, Māga». С этим предположением⁴ нельзя согласиться: уйгурская форма šimnu и монгольская šimnu, оканчивающиеся на u, заставляют искать другого, чем šim, согдийского прототипа этого уйгурского и монгольского слова; и действительно он находится в согд.-христ. šimū в значении «дьявол»; можно ожидать, что близкая форма, настоящий прототип уйг. šimnu и монг. šimnu будет обнаружен в согдийских буддийских текстах⁵; на основании уйг. и монг. формы можно предположительно представить себе согдийскую в виде: † šimnū.

Привожу в алфавитном порядке еще несколько согдийских заимствований, которые до сих пор еще не были отмечены, попавших, очевидно, через уйгурское посредство к монголам, в монгольскую письменность:

¹ монг. baramit < уйг. baramit < согд. p'g'm'ut < скр. pāramitā;

² монг. bodistv (> bodisug, bodisung⁶) < уйг. bodistv < согд. pwyststβ < скр. bodhisattva;

³ монг. vibaši < согд. βur'šy < скр. Vipaṣyin:

¹ Ср. В. Laufer, Sino-Iranica, Chicago 1919, p. 572.

² См. Б. Владимиров, Монгольский сборник рассказов из Раисаталтра, Петроград 1921, стр. 119—120.

³ «Сатана»; см. F.W.K. Müller, Sogd. Texte, I. p. 11; Laufer, Sino-Iranica, p. 573.

⁴ См. Ф. А. Розенберг, О винах пирах в персидской национальной эпохе, Сборник Музей Антропологии и Этнографии, V, стр. 379.

⁵ Предположение Ковалевского (см. его Монг. словарь, sub voce) о происхождении этой монг. формы от скр. śamāṇa, подтверждаемое А. М. Позднеевым (см. Очерки быта будд. монастырей... в Монголии, стр. 209), конечно, лишено всяского основания.

⁶ Благодаря неправильному чтению, см. Владимиров, Турецк. элементы в монг. яз. Записки, т. XX, стр. 164.

4 монг. kašib, халх. ғашіб, байт. гашіб < согд. k'š'ur < скр. Kāṣyapa;
5 монг. kanakamuni (читается обычно: ganagamuni) < согд. knknwny < скр. Kāṇakamuni;

6 монг. karkasundi (читается обычно: kerkesündi) < согд. krkswndy < скр. Krakacchanda;

7 монг. kotama, Kodama (читается обычно: godama) < согд. k'wt'm', k'wd'm' < скр. Gautama;

8 монг. mayamai¹ < согд. mγ'myh < скр. Mahāmāya;

9 монг. nom < согд.-христ. ² nōm < греч. νόμος;

10. монг. orislim³ < согд.-христ. 'ōrislim⁴ «Иерусалим»;

11. монг. čerig (< čarik) «воин» < уйг. kšatrik, kšatirik (> čarik) > čerik «воин») «kšatriya», «воин» < согд. 'γšērt'k *xšādr*ták⁵ «царский».

Повидимому к согдийским же заимствованиям, вернее, к заимствованиям, восходящим к согдийскому, можно будет отнести и монг. čaqar. Монг. čaqar > дэрб.-Астр., торг.-Астр. цахр обозначает «живущие около княжеского двора или монастыря бедняки и простолюдины, слуги и др.; местожительство, местопребывание таких лиц»⁶. В Монголии слово это в настоящее время неизвестно, но за то до сих пор čaqar > ц'ахэр, ч'ахэр, цахр, чахр обозначает название одного южно-монгольского племени «чахар»; названия же монгольских племен и родов нередко являются названиями различных должностей⁷. В старой монгольской письменности слово čaqar употреблялось в ином значении. Так в монгольском Ганджуре⁸ находятся такие фразы: ilaju tegüs nögcigsen čita-yin čečeglig-ün tögerig čaqar-tur nom-i nomlabai⁹ «Bhagavan проповедывал на круглом дворе Jetavaqa»; qulusun-iyer egüdüğsen küruyen-ü čaqar-tur sayun bölgé¹⁰ «находился на дворе¹¹ с оградой, воздвигнутой из камыша». Следовательно монг. čaqar

¹ Уйг. тоже.

² В согд.-будд. текстах до сих пор еще не отмечено, уйг. nom «dharma», Cp. Laufer, 574.

³ Письмо Хулагидского султана Аргуна к королю Филиппу Красивому, строка 21.

⁴ F. W. K. Müller, Sogd. Texte, I, p. 17, 33, 58.

⁵ См. Gauthiot, Essai de gram. sogd., p. 43, 142; Radloff, Tīastvustik, p. 63.

⁶ Ср. Рамстедт, Сравнит. фонетика монг.-письм. яз. и халх.-Ург. говоров, стр. 12.

⁷ Ср. Б. Владимиров, Анонимный грузинский историк XIV в. о монг. яз., ИРАН, 1917, 1493-4. I. J. Schmidt говорит, что о чахарах впервые упоминается в монгольских преданиях о Dayan-qan'e, см. его Die Volksstämme der Mongolen, Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg, VI Série, sciences politiques, histoire et philologie, t. II, p. 415; Schmidt говорит, повидимому, на основании монгольского сочинения Niedkel šastir.

⁸ Как известно окончательно средактированном в начале XVII в., причем в состав его вошли и более старые монг. переводы Писания, и изданием xyl. способом при Кан-си.

⁹ Парижский Ганджур, отдел Дулва, т. 64, f. 71.

¹⁰ Парижский Ганджур, отдел Дулва, т. 69, f. 281.

¹¹ Возможно и следующее толкование: «находился в поселке при ограде (обители),

значило еще «двор, селение, место», быть может «замок, двор». Очень близкое значение слова čaqar отмечено в османском и джагатайском: «место, укрепленное, окруженное стеной, лежащее вне крепости; военный лагерь вне городских стен, укрепленный оградой; стан кочевников, окруженный оградой»¹. Ни на монгольской, ни на турецкой почве čaqar не находит себе объяснения². И вот оказывается возможным считать это слово иранским: согдийским.

Китайские авторы сохранили слово «tcho-kie», каким назывались отборные войны Бухары; Сюань-дзан кроме того отмечает, что в Самарканде имелись особые воины, называемые «tcho-kie», отличавшиеся особой храбростью³. E. Chavannes, приводящий эти известия, прибавляет: «Tcho-kie, comme veut bien me l'indiquer Marquart, est la transcription du mot persan tchākar „servus, famulus“, qui avait en Sogdiane le sens spécial de „guerrier“ (garde de corps)⁴». С другой стороны известно, что арабские источники упоминают о личной гвардии владетелей в Средней-Азии до завоевания Мавераннагра Кутейбой⁵, такие гвардейцы назывались čakir'ami («слугами»): čakar, «слуга», хорошо известное персидское слово, > осм. čaker, средне-азиат. čakir. На основании вышеприведенных известий китайских авторов можно думать, что «tcho-kie» есть транскрипция не персидского, а согдийского слова, этимологически близкого к перс. čakar. Это то согдийское слово, можно предположить, и было заимствовано турками и монголами в форме čaqar со значением «слуга» и «местожительство слуг» с дальнейшим развитием этих основных значений. Возводить же турк. и монг. čaqar к перс. čakar, конечно, невозможно благодаря различию среднего заднеязычного. На основании монгольского можно думать, что согдийская форма была † č'yr. Замечательно, что монголо-ойратский героический эпос, сохранивший так много старины, упоминает о каких-то мифических бухарин церик «бухарских воинах» и тохарин церик «тохарских воинах».

Согдийские заимствования в монгольском языке, почти все относящиеся к области termini буддизма, представляют особый интерес именно с точки зрения истории буддизма в Средней Азии⁶. Замечательный факт: согдийские заимствования проникли к монголам, очевидно, в раннюю эпоху, в период

¹ См. Опыт словаря В. В. Радлова, т. III, стр. 1833; В. В. Радлов приводит еще čaqir'i «пахач» (стр. 1836).

² Ср. Рамстедт, op. cit., p. 12.

³ См. E. Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux, p. 313, 366.

⁴ Ibid., p. 313.

⁵ См. В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, стр. 182.

⁶ О буддизме в Средней Азии см. Charles Eliot, Hinduism and Buddhism, 1921, v. III, chapt. XII.

культурного влияния уйгуротов, продолжавшегося, быть может, до половины XIV в.¹; и вот, хотя монголы после падения Юаньской династии потеряли многое из культурных приобретений времен Чингис-хана и Монгольской Империи, хотя они в значительной степени и оставили буддизм, начавший распространяться среди них, тем не менее, когда в XVI в. началась у них пора буддийского ренессанса под влиянием и руководством Тибета, некогда заимствованные буддийские согдийские термины опять воскресают для новой жизни; несмотря на сильнейшее влияние тибетской письменности, старинный буддийский комплекс терминов согдийско-уйгурского происхождения не сходит у монголов со сцены и продолжает жить полной жизнью. Вместе с обнародованием и исследованием новых согдийских текстов, в особенности буддийских, начнет, конечно, рости число доказанных и объясненных заимствований из согдийского языка в монгольском (и уйгурском). Разбор этих заимствований может оказаться полезным не только для монголистики, но и для ирановедения. Вместе с тем сравнительное изучение согдийских, уйгурских и монгольских буддийских терминов даст надежный материал для суждения о характере буддизма в Средней Азии. Монгольская литература с этой точки зрения приобретает особый интерес; а вместе с тем нельзя забывать того, что исследование монгольской письменности и литературы едва началось, хотя монголистика, как научная дисциплина, существует уже сто лет.

На смену согдийскому в Средней Азии появляется язык персидский, новоперсидский и, отчасти, новые иранские диалекты. В монгольскую эпоху персидский язык получает особое распространение. Монголы с персидским языком могли познакомиться рано, на самой заре своего исторического существования от мусульманских купцов, проникавших в Монголию; дальнейшие исторические события, завоевание Персии монголами, могли только способствовать встрече монголов с персидским элементом. Мы находим даже указания на то, что существовало известное литературное общение между мон-

¹ Мы знаем, что в некоторых местах уйгуры, вернее сказать, остатки уйгуротов, продолжали писать по уйгурски и переписывать уйгурские буддийские произведения даже в XVII в. Возможно, конечно, предполагать поэтому и более позднее влияние уйгурской письменности на монгольскую. Но, во первых, трудно предположить, чтобы в XVI, XVII вв. влияние это было хотя бы сколько-нибудь значительно; во вторых, до нас дошло достаточное количество монгольских сочинений не позднее половины XIV в., которые и доставляют нам материала для суждения о раннем проникновении согдийских элементов через уйгурское посредство к монголам.

гольским и персидским миром¹. «Араб-филолог», писавший о монгольском языке жил, по всей вероятности, в Персии; наконец, мы знаем, что персидские литературные произведения попадали, если не к монголам, то во всяком случае в Монголию². Можно думать, что те монголы, которые поселились в улусах Чагатая, Джучи и во владениях Хулагидских султанов, в языковом отношении подверглись большему влиянию персидского, чем их родичи, оставшиеся на старых местах; но об этих западных монголах мы знаем более, чем мало; во всяком случае афганские монголы, язык которых нам известен до некоторой степени, могут служить образцом³; не надо забывать при этом, что монголы, ушедшие на Запад, скоро растворились в окружавшей их этнографической среде, остатки же их в виде кайтаков и афганских монголов были совершенно изолированы от остального монгольского мира.

Что касается языка «восточных» монголов, то в нем персидские заимствования обнаруживаются в известном количестве, небольшом, правда, но все-таки вызывающем внимание. Персидские слова проникали в монгольский язык различными путями, будучи заимствованы, повидимому, непосредственно с персидского, или же при посредстве других языков, главным образом турецких диалектов; другим посредником при передаче монголам персидских слов был язык тибетский. Таким образом ясно, что древнейшие заимствования с персидского в монгольском будут те, которые были сделаны непосредственно от персов, т. е. во времена Монгольской Империи, не позже половины XIV в.; хронологию заимствований, попавших к монголам через турецкое посредство, установить пока очень трудно; прошедшие же тибетскую среду, по всей вероятности, относятся к новейшему времени, начиная от XVII в. Но еще труднее установить с очевидной точностью, какие именно из персидских заимствований, обнаруживаемых в монгольском языке, можно отнести к принятым непосредственно от персов (и, быть может, других иранцев). Помимо обследования памятников монгольской литературы для разрешения этого вопроса должна быть сделана попытка выяснения, каким путем попали персидские заимствования в монгольский язык и при помощи лингвистического анализа.

Рассматривая монгольские слова, которые мы имеем основание считать

¹ См. В. В. Бартольд, Культура Мусульманства, изд. «Огни», Петербург, 1918, стр. 80, 88-89. См. Б. Владимиров, Монг. сборник рассказов из Райсатанта, 1921, стр. 1-2.

² См. Г. Ф. Ольденбург, Материалы по буддийской иконографии Хара-хото, 1914, стр. 7; Б. Владимиров, ор. си., стр. 2, прим. 1.

³ См. G. J. Ramstedt, Mogholica, J. S. F. O., XXIII, 4; большинство персидских заимствований в языке монголов указано Ramstedt'ом и выяснено влияние на него иранских элементов.

затмствованными с персидского, можно установить, что с одной стороны перс. а¹=монг. е, с другой же тоже перс. а=монг. а, таким образом: монг. е < перс. а > монг. а.

Примеры:

перс. а:	монг. е:	перс. а:	монг. а:
bagtar	begter	dānišmand	daš-man
farzīn	берсн	nar	нар
šakar	šiker	anār	anar
tarsā	ters	šatrang	šitarang
arkaūn	ér-khe-'un	māda	маја

Долгое перс. а (ā) = монг. а всегда, за исключением некоторых случаев, когда перс. ā > монг. и; например: перс. ūftālū > монг. ūbūl «персики»; перс. pūlād > монг. bolud «сталь»; перс. ūlwār > монг. ūlbur «шаровары»; перс. ūgīmā > монг.: ойрат.-письм. ūgītip «финик».

Повидимому, все персидские затмствовали, в которых перс. а=монг. е, проникли к монголам через турецкое посредство. Действительно, турки, принадлежащие к разным наречиям, принимая персидские и вообще иранские слова, по большей части воспринимали иранское а, как е; так и согд. knđ *kanđ «город» > тур. kent²; согд. knđ *kanđ и knđh *kanđh³=хотан. kantha.

В тех же случаях, когда персидские затмствования в монгольском имеют перс. а = монг. а, можно считать, что они были приняты монголами без посредства турок и были взяты непосредственно от персов, или же при посредстве неизвестного языка и народа. Повидимому, когда персидские затмствования в монгольском содержат перс. ā = монг. а = турк. а, можно признать их проникшими к монголам через турецкое посредство; персидские же затмствования, обнаруживающие отношения: перс. ā = монг. и, по всей вероятности, были приняты монголами непосредственно от персов; вспомним, действительно, особое произношение перс. ā, наблюдаемое во всех новоперсидских диалектах. Наблюдение над языком афганских монголов подтверждает вышеизложенное; в многочисленных персидских затмствованиях всегда монг. а = перс. а, монг. б = перс. ā.

Персидские же слова в монгольском, прошедшие через Китай и Тибет, приобретают особый отпечаток и поэтому сравнительно легко узнаются.

¹ Вопрос о том, как это перс. а произносилось самими персами, не имеет особого значения для выяснения.

² О том, что это турецкое слово является согдийским (или бактрийским) затмствованием, писал еще Grénard; см. Durtreuil de Rhins, Mission scientifique dans la H. Asie, II-me partie. F. Grénard. Le Turkestan et le Tibet pp. 25-51

Привожу теперь список персидских затмствований в монгольском языке, список, конечно, лишь предварительный, причем включаю в него и те, которые были уже указаны B. Laufer'ом в его книге *Sino-Iranica* (1919 г.)¹, потому что объяснения B. Laufer'a требуют, как мне кажется, некоторых дополнений и исправлений:

1. монг. anag «граната» < перс. anār (Laufer, 574); B. Laufer совершенно верно отмечает, что уйг. форма пага,—крайне сомнительная, замечу между прочим, как и очень многое в китайско-уйг. словаре, откуда это слово взято,—не может быть признана посредствующей между монг. и перс. В монгольском слово anag встречается только в специальных сочинениях.

2. монг. badam, дэрб.-Кобд. бадм || тур.: уйг., осм. badam «миндаль» < перс. bādām (Laufer, 406 — 7, монг. Форма не указывается); в монгольском слово это редкое и, обычно, монголы не знают, какое собственно растение именуется badam, бадм, бадм цеңек («цветок миндаля»).

3. монг.-квадрат. baq² (= монг.-письм. *baγ) || тур.: уйг., осм., крм., вост.-турк., тар. baγ «сад» < перс. bāγ (Laufer, 575; транскрипция монг. слова неточна); в настоящее время слово это не употребляется ни в монг.-письм., ни в живых монг. говорах. В торг.-Алт., торг.-Астр., дэрб.-Астр. встречается слово баңџа «сад, огород» || тур.: уйг., каз., вост.-турк. baqča, бакча, тар. бакца < перс. bāγča (3 а).

4. монг.-письм. bajar, basar, ойрат.-письм. bazar, дэрб.-Астр. базр || тур.: уйг., осм., крм., тркм., хив., сарт., каз., кир., тар. bazar, базар «рынок» < перс. bāzār; в настоящее время слово это употребляется, поскольку известно, среди монгольских племен только у поволжских ойратов (калмыков). Н. Я. Марр считает перс. bāzār, слово разошедшееся по многим и многим языкам, яфетического происхождения; первоначальное его значение: «дело у ворот»³; заключения Н. Я. Марра встретили себе уже поддержку в научной литературе⁴.

5. монг.-письм. bars, зап.-монг. XIV в. p'ars⁵, байт., дэрб.-Кобд. бар,

¹ В особой главе этой книги: Appendix I, Iranian Elements in Mongol, приводится 23 иранских слова, проникших в монгольский язык различными путями. Из них 6 согдийских и 17 персидских; согдийские я оставил в стороне потому, что о них уже говорилось выше, кроме того в данном случае B. Laufer не прибавляет ничего нового к сказанному раньше другими учеными. Опять должен отметить, что для меня осталась недоступной статья B. Laufer'a: Loan-Words in Tibetain (T'oung Pao, 1916, pp. 408 — 552). К сожалению B. Laufer на всем протяжении своей чрезвычайно интересной книги для транскрипции монгольских слов пользуется очень неустойчивой, смешанной и совершенно устаревшей системой словаря Ковалевского, оставляя в стороне объяснения монголистов новой школы.

² См. Б. Владимиров, Турецк. элементы в монг. яз., Записки, т. XX, стр. 161—162.

³ См. Н. Я. Марр, Надписи Рузы II из Маку, Записки, т. XXV, стр. 13.

⁴ См. В. Бартольд, Культура мусульманства, изд. «Огни», Петербург 1918, стр. 30.

⁵ См. Б. Владимиров, Анонимный грузин. историк о монг. яз., ИРАН, 1917, стр. 1488 — 1489.

барă, халх. бар, барă, барăс || тур.: орх., уйг., осм., ткм., хив., вост.-турк. bars, барс «тигр», пантера < перс. pārs ~ fārs «пантера». Монгольские формы бар, барă, барăс, бар являются правильным развитием bars ~ барс, так как монгольский язык не терпит накопления двух согласных на конце слов.

6. монг.-письм. begter < тур. * begter (дж. bekter) «особый род панциря» < перс. bagtar «особый род панциря» (Laufer, 575; только B. Laufer указывает, следуя, очевидно, чтению словаря Ковалевского: begder, что не верно). В монг. яз. begter употреблялось и как собственное имя¹; в настоящее время слово это не распространено, но зато часто встречается другой эквивалент, тоже восходящий к перс. bagtar:

6а. монг.-письм. begje ~ begje, халх. бегж, байт., дэрб.-Кобд. бекж «собств. имя², панцирь, кираса» < тиб. beg-je «собств. им., кираса» < перс. bagtar (Laufer, 575; намечено и Ковалевским: Словарь, sub voce). По общему правилу begje ~ begje > begji ~ begji.

7. монг. байт., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. берсн < * берсен, * берсн, захач., торг.-Алт. берзж < перс. farzin (средн.-перс. farzēn) «ферязь» (название шахматной фигуры); слово это, по всей вероятности, встречается и в других монгольских наречиях, но до сих пор не было еще отмечено.

8 монг.-письм. bojo ~ bojo, байт., дэрб.-Кобд. бозж, халх. бозж «напиток из ячменя; молочная барда» || тур.: бар. ноза, кач. поча, осм. кир. боза, каз. тоб. буза, дж. buza³ < перс. boza «напиток из риса, etc.» (Laufer, 575); монг. bojo ~ bojo < * boja ~ boja, лабиализованные же формы возникли под влиянием живой речи подобно тому, как монг. otači > otoči «лекарь», orai > ogoi «вершина»⁴. Турецкие формы имеют а == перс. а под влиянием гармонии гласных.

9. монг.-письм. bolud, халх. болд, байт., дэрб.-Кобд. болт, дэрб.-Астр. болд «сталь, булат» || тур.: уйг. bolud, кюер. палат, тар. полат, сарт. пылат, ткм. пулат < перс. pūlād (ср. Laufer, 575)⁵.

10. монг.-письм. bulyari, байт., дэрб.-Кобд., захач., урянх.-Алт., торг.-Алт. булъар, халх. булъар «юфть, название сорта выделанной кожи» < перс. bulyārī «болгарское (изделие)», «болгарка (-кожа)»; слово это попало и в тибетский язык: тиб. bul-ha-ri, булгар «юфть, русская кожа», — повидимому монгольское заимствование. Формы эти bulyari ~ булъар явления лингви-

стической реминисценцией о когда-то процветавшем кожевенном производстве в городе Болгар на Волге¹.

11. монг.: дэрб.-Кобд., захач., урянх.-Алт. бухārī «название особого сорта выделанной кожи» < перс. buχārī «бухарское, бухарское (изделие), бухарка (-кожа)».

12. монг.-письм. čitun jīmis < кит. ц'и-т'ун < средн.-перс. zeitun < обще-семит. *zeitu (араб. zeitun) «оливка» (Laufer, 415 — 416). B. Laufer неверно читает вместо jīmis «плод, ягода» «jīmin», вероятно потому, что в пекинских ксиографах конечное монг. с очень часто изображается похожим на п. Слово čitun в монгольском встречается только в специальных сочинениях.

13. монг.-письм. dari, халх. дарј, бур. дарј, байт., дэрб.-Кобд. дарј, дэрб.-Астр. дарј, горлос. дер «порох» || тур.: дж. daru, кир. дарј, алт., каз. тары, бар. тарі «порох» < перс. dārūl, dārū «порох»².

14. монг.-квадрат. daš-mad, plur < *daš-man < перс. dānišmand, (>тур.: тар. данишман) «мусульманское духовное лицо», это значение, помимо прочего, выясняется и из контекста: do-yid ēr-khe-'ud sēn-šhi-ñud daš-mad «буддийские монахи, христианское духовенство, даоские и мусульманские духовные лица»³. Китайская транскрипция этого слова: 達矢變 да-ші-ман. Значение этого слова было уже разъяснено арх. Палладием⁴, до открытия Chavannes'a. В монгольской форме мы не находим конечного d потому, что сочетание nd на конце слова невозможно в монгольском языке. В настоящее время у монголов слово это не употребляется вовсе; мусульман теперь монголы называют словом, заимствованным с китайского: хүї-хүї, или же словом, взятым с тибетского: лало < тиб. kla-klo == скр. mlečcha.

15. монг.-письм. debter, degter, халх. дебтэр, байт., дэрб.-Кобд. дебтэр, дегтэр «книга, тетрадь» < тиб. deb-ther, deb-gter < перс. daftar < греч. διφέρα (ср. Laufer, 503 — 504). Наличие параллельных форм debter ~ degter в монгольском ясно показывают зависимость их от тибетских. В настоящее время монголы словом debter и degter обозначают «книгу» в смысле формы, «книгу-тетрадь», «тетрадь». Но так как буддийские книги обычно не пишутся иначе, как на отдельных продолговатых листах, — все в подражание индийским пальмовым листам, — то довольно чисто слово debter ~ degter обозначает «книгу», «книгу-сочинение» светского характера.

¹ См. В. В. Бартольд, Культура мусульманства, «Огни», Петербург, 1918, стр. 78—79.

² Ср. Ramstedt, Mogholica, p. 26.

³ См. E. Chavannes, Inscriptions et pièces de chancellerie chinoise de l'époque mongole, II° s., planche 19, ligne 6.

⁴ См. Труды членов российской духовной миссии в Пекине, т. IV, стр. 417. Ср. В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монг. нашествия, II, стр. 242.

¹ Так, например, звали сводного брата Чингис-хана.

² С имена одного божества ламайского пантеона, как известно, называемого иначе Джам-сарапом.

³ Ср. P. Pelliot, A propos des Comans, J. A., Avril-Juin 1920, p. 170.

⁴ Ср. Б. Владимиров, Монг. сборник рассказов из Раисатантра, 1921, стр. 116.

⁵ Ср. T'oung Pao, 1916, pp. 82, 479.

16. монг.: дэрб.-Астр., торг.-Астр., балт., дэрб.-Кобд., захач., торг.-Алт. џаңғар (< *џаңғар) «с. и. былинного героя», затем «властитель владыка, повелитель», ср. монг.-письм. ѡангъарла < ѡангъар + ла «владычество, повелевать, царствовать»¹ (ср.: cevanrabtun-qan šajin oglige-yin ejen bolju töbid ulus-ni ejelen janγarlaγsan čaγtu «в то время, когда Цеван-Рабтан-хан, став милостынедателем церкви буддийской, владычествовал, господствуя над народом тибетским»)² < перс. ѡahān-gīr «завоеватель мира»³.

17. монг.-квадратн. ѡ-г-к-х-е-у-д, plur. < * ѡ-г-к-х-е-и-в, араб.-филол. erkewün (= монг.-письм. * erkeün < erkeün ~ еркеүн) «христианское духовное лицо, христианин вообще» < тур. * erkeün < перс. *arkaün «христианин», arkün «начальник, правитель» < ? греч. ἄρχων. Настоящий пример — с вышеуказанным соответствием: перс. а > тур. е > монг. е, — подкрепляет предположение Н. Я. Марра⁴ о путешествии слова ἄρχων > еркеün через Персию. Слово это исчезло из употребления в монгольском языке. Предложение Г. Н. Потанина о происхождении слова еркеün от «Ерке» собственного имени божества «ордынцев», конечно, лишено всякого основания⁵.

18. монг. injir, ingjir, ойр.-письм. id, дэрб.-Астр. іңір, іңір || тур.: осм., ад., дж. enjir, уйг. ençir (enjir?), ком., осм., крм. каз. іңір, іңір «винная ягода, фига» < перс. anjir, бухар. injir (Laufer, 411, монг. не указано); в монг. слово это употребляется очень редко; как самый предмет, так и слово его обозначающее более известна поволжским ойратам.

19. монг.-письм. kükür, балт., дэрб.-Кобд., кükür, халх.-Зап. *хүхүр || алт., тел., сог., койб. кükür, осм., крм. кükürt «серая (горючая)» < перс. gūgard (Laufer, 575, приводит монг. формы: kukur, kugur, что конечно совершенно неточно; Ramstedt указывает для монг.-письм. почему-то форму kökür (?)⁶.

20. монг.-письм. künjid ~ künjit < перс. künjut «сезам, кунджут, Sesamum indicum» (Laufer, 291, монг. форма не указана); уйгурская форма künjit, даваемая уйг.-кит. словарем, может быть и является посредствующим звеном между перс. и монг., но к показаниям уйг.-кит. словаря, опубликованным между перс. и монг., нужно относиться с большой осторожностью, потому что он заключает в себе под видом уйгурских достаточное количество монг.

¹ Слово нашим словарям неизвестное.

² «История ойратов и Амурсаны», — список, вывезенный мною из Западной Монголии.

³ (р. В. В. Бартольд, Культура мусульманства, изд. «Огни», Петербург, 1918, стр. 89.

⁴ См. Н. Я. Марр, Арк'ян, монгольское название христиан в связи с вопросом об армя-

⁵ нах-халкедонитах, Визант. Временник, XII, 1906, стр. 1 — 68, история термина: стр. 41 — 44.

⁶ См. Г. Н. Потанин, Ерке, күлт сына неба в северной Азии, Томск, 1916 г.

гольских слов, например: түшмел «чиновник», төндүр «град», ebügeng «дед», boγdas «святой», etc¹.

21. монг.-письм. künkar, балт., дэрб.-Кобд. күнкөр, халх.-зап. *хүң-хөр «кункер-хан, мифический государь, живущий на Западе и славящийся своим богатством»² < тиб. kui-kag «турок, турецкий народ, турецкий государь» < перс. չունկար «титул османского государя» (> осм. չունկար, хункар, осм., крм. հոնկար). Монголы слово это вместе с понятием, которое оно обозначает, заимствовали, можно думать, не прямо от персов, — в монгольской письменности künkar появляется в позднюю эпоху, — а через посредство тибетцев, тибетской литературы, в которой имеются сказания о күнкагар rgyal-po «о царе Кункаре — турецком султане»³. Самые формы күнкөр, *хүң-хөр показывают, что они возникли путем усвоения книжного монгольского сказания: монг.-письм. künkar (< тиб. kui-kar) стали читать естественно как künker > күнкөр.

22. монг.: ойрат.-письм. չիղմաп, дэрб.-Астр., торг.-Астр. хурм⁴ || тур.: крм., осм., ад. չիղմա < перс. չիղմա «финик».

23. монг.: дэрб.-Кобд., балт., халх.-зап., дэрб.-Астр. мај (теме) < * маја «верблюдица, легкая на ходу; (дэрб.-Астр.) особая порода одногорбых верблюдов» || тур.: дж., тркм. шауа, маја «верблюдица», кир. маја «особая порода одногорбых верблюдов» < перс. māya, māša «самка, самка верблюда». В виду наличия соотношения монг. а = перс. а, можно думать, что монголы приняли это слово непосредственно от персов. Что касается дж. и тркм. форм шауа, маја, то можно сомневаться, так-ли следует читать джагатайскую и производить туркменскую форму? Нельзя ли здесь видеть шауе и маје? Кир. маја, повидимому, монгольское заимствование, каких в киргизском вообще очень много.

24. монг.: дэрб.-Астр., мерес, мерәс, meres «сифилис, гнойная рана, от венерической болезни» < тур.: кир. мерез «застарелая болезнь: рана с гноем» < перс. мараз, шараб < араб. шараб «болезнь» > тур.: осм., крм., тркм., хив. мараз, шараб «болезнь».

25. монг.-письм. nal «бледный рубин» < тиб. nal < * lal < перс. lal «рубин бледный, лаль» (Laufer, 575). В тибетском I чередуется с II, напр.

¹ См. Klaproth, Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren, p. 14, sub vocibus

² См. Б. Владимиров, Новые данные о хотонах, Записки, т. XXIII, стр. 266, 271; А. Н. Самойлович, Хотонские записи Потанина, ibid. 281. Предположение Marquart'a.

(См. W. Bang und J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien, p. 168; ср. указания В. В. Бар-

тольда в «Русск. Истор. Жур.», т. VII, стр. 152) относительно этого названия отпадает.

³ Мне самому приходилось видеть подобные книги у монгольских лам; например в монастыре захачинов, расположеннем в местности Зерген (Кобдского округа Западной Монголии); подобные сочинения послужили материалом для монгольских исторических сочинений, например для Bolor toli.

nañs (старо-тиб.) = lañs «возвышенный», nob = lob «Лоб-нор»¹. В монг. яз. слово nañ употребляется только в специальных сочинениях и в живой речи почти совсем неизвестно.

26. монг.: байт., дэрб.-Кобд. нарсц, нар (теме) «одногорбый верблюд, дромадер» || тур.: дж. паг, кир. нар «одногорбый верблюд» < перс. паг «самец». Слово это в персидском часто употребляется в соединении со словами, обозначающими разных животных в том числе и верблюдов; тоже наблюдается и в других ново-иранских наречиях, например минджаны наршк'ур «верблюд-самец»². В виду того, что слово нар (pag) из турецких диалектов встречается только в джагатайском и киргизском, двух наречиях, достаточно заимствовавших с монгольского, и в виду того, что а в дж. и кир. паг, нар противоречат другим примерам, из которых видно, что в персидских заимствованиях дж. и кир. е = перс. а ~ ё, можно думать, что монголы заимствовали рассматриваемое слово от иранцев, с персидского непосредственно и в свою очередь передали его дж. и кир. Следует отметить, что в байтском и дэрбэско-кобдоцком диалектах слова нар, нарсц употребляются редко, они считаются словами старинными, приличествующими важной речи, поэтому встречаются они, главным образом, в поэзии, в героических эпопеях, в пословицах, реже в сказках³. Форма нарсц < * нарсун < нар + суф. -сун, суф. возникший по аналогии, или благодаря народно-этимологическому сопоставлению со словом нарсц < narasu(n) «сосна» (|| каз. нарат).

27. монг.: байт., дэрб.-Кобд. насвà, халх.-зап. насвà, торг.-Алт. насма < * насбай «нюхательный табак» || тур.: кир. насыбай, бар. назапай < перс. nāz-bāi (средн.-перс. nāz-bō) «имеющий приятный запах: Ocimum basilicum»⁴.

28. монг.-письм. nökör, nökür, байт., дэрб.-Кобд. нöкр., халх.-зап. нöхör, халх.-Ург. нüхür «друг, приятель, товарищ, спутник, слуга, муж, супруг» || тур.: дж. nöker «товарищ, слуга, солдат, чиновник», тел., леб. nökör «товарищ» < перс. nañkar, nökär «слуга, прислужник». Повидимому, монгольская форма nökör была заимствована независимо от турецкой, непосредственно с персидского. В монгольской форме мы не имеем ожидаемого а во втором слоге, соответствующего перс. а, потому что перс. au ~ ö было воспринято монголами, как ё; поэтому в виду гармонии гласных и лабиализации, свойственных монгольскому языку, и во втором слоге полу-

¹ См. Rev. A. H. Francke, Notes on Sir Aurel Stein's collection of tibetan documents from Chinese Turkestan, J. R. A. S., 1914, p. 45 (статья эта повторена в Serindia Sir A. Stein'a).

² См. R. Gauthiot, Quelques observations sur le minjâni, M. S. L., XIX, p. 25 — 26.

³ В обыденной жизни монголов часто этого слова употреблять не приходится и потому, что одногорбых верблюдов, как известно, в Монголии нет.

⁴ См. Laufer 590 (монг. и турк. формы не указаны).

чилось ё. Замечательно, что и афганские монголы воспринимают перс. аи, как ё (ö), например: монгол. нöй < перс. nañ «новый», монгол. тöй «кривой?», перевернутый? > < перс. V tap (перс. taftan), монгол. цöйбү «раньше, прежний» < перс. jilau. Тел., леб. нöкбр, очевидно, монгольское заимствование, которых так много в этих наречиях. Что касается дж. nöker, то форма эта — «правильное» заимствование с персидского, независимо от монгольского: перс. a = тур. e, что косвенным образом подтверждает предположение о том, что nañkar ~ nökär персидское слово, а не заимствованное из монгольского, как это считали раньше. Форма же nöker, приводимая Арабом-филологом, очевидно турецкого происхождения¹.

29. монг.-письм. ūrüs sara «весенний месяц, месяц обновления природы», дэрб.-Астр., торг.-Астр. урüs сарä «весенний месяц, в котором празднуется рождение Будды Шакьямуни» < перс. rûz, rûz «день»; ср. кир. наурус «первый день нового года (в марте месяце)» < перс. nañrûz «новый год, совпадающий с весенным равноденствием». В. В. Бартольд приводит² стихи поэта конца XII в., Али-Шатранджи: «Радостную весть о наурузе всегда приносит нам аист». Что, касается монг. форм ūrüs, ūrüs < перс. rûz ~ rûz, то, очевидно, возникли они благодаря тому, что монголы не терпят г ~ р в начале слова.

30. монг.-письм. sañari, байт., дэрб.-Кобд., халх. сарï «особым образом выделанная кожа» < тиб. sag-ri, sags-ri < перс. sagri «шагрень» (Laufer, 575). В. Laufer напрасно только считает и монг. sarisu > байт. сарсц, халх. сарïс «замша, род особым образом выделанной кожи» того же происхождения, что и монг. sañari; sarisu и Sañari этимологически два совершенно различных слова.

31. монг.-письм. šabtul «персик» < перс. šaftälü. Слово это, не отмечаемое нашими словарями монгольского языка, встречается в некоторых текстах, например в монгольской версии известного романа «Си-ю-зи»³, где šabtul чередуется со словом toyog (с китайского); возможно, что šabtul с соответствующими фонетическими изменениями будет обнаружено в какомнибудь монгольском наречии; в монгольской письменности возможна еще форма * šibtul, в которой i появляется в виду палатализирующего влияния š.

32. монг.-письм. šalbur, дэрб.-Астр. шалшур, байт., дэрб.-Кобд.,

¹ Ср. противоположное мнение, высказанное как по отношению монгольской, так и турецкой формы П. М. Мелиоранским; Араб-филолог о монг. яз., «Записки», XV, стр. 152, 171. Ср. Hobson-Jobson, п. е. 1903, р. 628—629.

² См. В. В. Бартольд, Из средневековой туркестанской поэзии, Наука и Просвещение. Ежемесяч. Журн. Нар. Ком. Ирос. Турк. Респ., Ташкент, 1922, № 1, стр. 19.

³ Монг. перевод-переложение был сделан в конце XVII века.

шалвүр, шалвэр || тур.: кир. шалбар, алт., тел. шалбэр¹ «шаровары, штаны, особые штаны у борцов» < перс. šalbār «шаровары».

33. монг.-письм. šiker, šikir, бант., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. шикер, шик'р, халх. ч'ихэр, халх., бур. шихэр < тур.: осм., ком., бар. šeker, шекер, тоб., каз. шікер, тел. шікер < перс. šakar (Laufer, 576) «сахар».

34. монг.-письм. šinjir, халх., дэрб.-Кобд., бант. шинжир || тур.: кир. шинжир, каз. шыңчыр, осм. зенџир, зинџир, вост.-туркест., тар. зенџир < перс. zinjir, zaŋjir «catena, цепь, цепочка».

35. монг.-письм. šitaran, šitara, бант., дэрб.-Кобд. дэрб.-Астр., торг.-Алт. шатр, халх. шат'эр, халх.-зап. шит'эр, шат'эр, ёйт'эр < перс. šatrang < скр. čaturaṅga «шахматы» (Laufer, 576; надо отметить, что B. Laufer приводит, как исходную персидскую форму šataraŋ — форму арабизованную, не отмечает санскритского прототипа и не приводит более древней монг. формы šitaran). На монгольской почве и в первом слоге вместо соответствующего перс. а появилось под влиянием предшествующего ё, также как и в форме šiker < перс. šakar.

36. монг.-письм. tarbus, дэрб.-Астр. тарбс || тур.: вост.-туркст. тарбуз, карпуз, уйг. qaqriz, осм. крм. qaqriz «арбуз» < перс. χarbuz (средн.-перс. χarbūzak) (Laufer, 443 — 444, транскрипция не точна). В монг.-письм. слово tarbus встречается редко. Определить, каким образом это персидское слово попало к монголам, пока не представляется возможным.

37. монг.: ойр.-письм. terze, бант., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр., торг.-Астр. терзэ «окно, окошко», зах. терзэ «промежуток между жердями крыши в юрте» || тур.: каз., тоб., бар. терезе, кир. тәрезе, чұлым. терече «окно» < перс. dariča «окно, оконце» (указанием этой персидской формы я обязан В. В. Бартольду); по всей вероятности начальное т в турк. и монг. формах появилось на турецкой почве, почему можно думать, что монг. форма заимствована через турецкое посредство; тем не менее следует отметить таджик.-Бухар., таджик.-Самарк. «téredja» «окно», как это показал уже Grénard²; только F. Grénard, повидимому слово это считает независимым от перс. dariča, потому что он говорит о «téredja», как о слове «inconu dans le persan classique».

38. монг.-письм. ters, халх, бур. терс, бант. терс «еретик, последователь не буддийских учений Инди, брахманист, индуист» < перс. tarsā (средне-перс. tarsāg, согд.-христ. trs'k) «христианин»; китайская транскрип-

ция этого слова: 達 穀 да-со < *дар-са (см. Laufer, 593). Монг. ters «еретик» должно отличать от монг. ters = уйг. ters «противоположная сторона», ср. монг.-письм. tergege «на ту сторону», бант. тертэгүр < *tergege-gür «по той стороне».

39. монг.-письм. тоγus (в старой монг. письменности taγus), бант., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. тоγöс, халх. т'оъс|| тур.: осм. tawus, tawus, крм., босн. taus, таус, тоб. тауыс < перс. tāus «павлин», быть может, < арамейск. tawus > греч. ταύς, > лат. *tavon > pavo¹ (ср. Laufer, 575; надо только отметить, что B. Laufer совершенно неправильно указывает монгольскую форму «tōs», говоря, что формы «tagus, togos» пишутся так для обозначения долготы гласного; форма «tōs» неизвестна ни в одном монгольском наречии, ни в одной монгольской рукописи). Пока представляется невозможным решить, получили ли монголы слово taγus ~ toγus прямо от персов, или через турецкое, или иное посредство.

40. монг.-письм. toγum ~ toquim, халх.-зап. т'охбм, бант., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. тохм «род, происхождение, порода» || тур.: осм., toγum «семя, зерно», вост.-туркст. тохум «семя, зерно», кир. tokum «род, семя, вид, зерно» < перс. toγum «зерно»². Повидимому кир. tokum является монгольским заимствованием.

41. монг.-письм. toti, бант., дэрб.-Кобд. toti, халх.. т'от'i, торг.-Алт., урянх.-Алт. тötü || тур.: вост.-турк. toti, кир. totu, каз. тути «попугай» < перс. toti, tötü (Laufer, 575; не указывая своего источника, B. Laufer приводит уйгурскую форму toti; трудно себе представить, каким образом в уйгурской письменности может быть обозначено долгое i (i), очевидно какое-то недоразумение). Хотя в Монголии, как известно, нет ни павлинов, ни попугаев, тем не менее эти птицы эти хорошо известны монголам и слова toγus и toti очень часто встречаются, как в литературе (письменной и устной), так и в живой речи. Произошло это благодаря влиянию буддийской литературы, главным образом повествовательной, индийского происхождения. Затем монголы хорошо знакомы с павлиньями перьями, служащими украшением шляп — знаком отличия князей и чиновников.

42. монг.-письм. turma «род репы» < перс. turma «род репы» (Laufer, 574). Слово это в монгольском встречается очень редко.

43. монг.-письм. zira < тиб. zi'-ga < перс. zīra «тмин» (Laufer, 383, 576). Слово это в монгольской письменности известно только по специальным сочинениям; в конце концов монг. zira нечто иное, как транскрипция тибетского слова.

¹ См. J. Halévy, Le nom de paon, J. A., 1913, p. 710 — 712.

² Ср. Ramstedt, Mogholica, p. 40.

¹ Можно думать, что эти турецкие формы — монгольские заимствования: монг. а = перс. а.

² См. Grenard, Le Turkestan et le Tibet (Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie, 1890 — 1895, II partie, p. 462).

44. монг.: дэрб.-Астр. чалан «кафтан» < перс. چاپان¹.

В работе B. Laufer'a (*Sino-Iranica*) приводится еще несколько монгольских слов, на которых следует остановиться. Прежде всего представляется чрезвычайно сомнительным, чтобы монгольское *jegeren* (> халх. зёр, зёрэн, бант. зёру) «антилопа» < перс. چرگان². Действительно, каким образом можно объяснить монг. е < перс. آ? Затем довольно трудно допустить, чтобы степняки-кочевники взяли чужое слово для обозначения животного, водившегося в изобилии в их собственной стране.

Что касается монг. «вöгriyä»³, то нужно заметить, что слово это приведено не совсем точно; «труба» по монгольски бürgiye > бант., дэрб.-Кобд., дэрб.-Астр. бур'ä, халх. бур'ë; по всем данным, монг. bürgiye = уйг. бürgä. Относительно «ха-si-ni»⁴ < перс. kasni, gisni «asafoetida» нельзя сказать ничего особого; очень возможно, что в Юаньскую эпоху слово это действительно употреблялось в монгольском, как это устанавливает B. Laufer на основании одного китайского текста.

Остается монг. «kübeñ» или «kübüñ»⁵ «хлопчатая бумага, вата». Прежде всего монгольская форма (письменного языка) должна быть представлена в виде köbung или köbeng⁶ > бант., дэрб.-Кобд. кöwöñ, халх. хүүйц. Затем совершенно невозможно понять, каким образом монг. köbung может восходить к перс. kîrgâs или vahî kubas, как это считает B. Laufer. Лингвистически это совершенно недоказуемо и потому монг. köbung невозможно возводить к kubas, «which, save the final s, agrees with the Mongol form», с чем, конечно, тоже нельзя согласиться.

Наконец B. Laufer совершенно прав, считая, в противоположность мнению E. Blochet, что монг. boýda совсем не персидское заимствование: перс. «bokhta»⁷. Монг. boýda, конечно, не имеет ничего общего и с тур. buýdai, как думал B. В. Радлов и, повидимому, F. W. K. Müller (см. его *Zwei Pfalinschriften aus den Turfanfunden*, A. K. P. A., 1915, p. 33); тур. buýdai = монг. buýdai, на что давно было указано Березиным (см. его «История Чингис-хана», стр. 160).

Монг. nišan (и быть может badman), а также suburγan были уже

¹ Cp. Ramstedt, *Mogholica*, p. 25.

² Laufer, 575, № 18.

³ Laufer, 575, № 17.

⁴ Laufer, 575, № 10; 361.

⁵ Laufer, 574, № 7.

⁶ Эти параллельные формы являются в монгольской письменности благодаря тому, что в монгольской речи с давних пор гласные неударных слогов, исторически недолгие, произносятся, как редуцированные.

⁷ Laufer, 574.

⁸ Laufer, 576.

раньше разъяснены F. W. K. Müller'ом⁹ и R. Gauthiot¹⁰: nišan (и быть может badman) < средн.-перс. через уйгурское посредство, suburγan < уйг. sururγan < иран. spur-χān.

Заканчивая свою статью, считаю долгом отметить, что Ф. А. Розенберг не только помогал мне своими советами и дружеской критикой, но и предоставил в мое распоряжение свои еще не напечатанные согдийские материалы.

Б. Владимирцов.

⁹ S. K. P. A. W.; 1909, XXXII, p. 847 – 848, ср. Владимирцов, Тюр. элементы в монг. яз., Записки, т. XX, стр. 161.

¹⁰ Chavannes et Pelliot *Treaté manichéen* n. 47 en Transl. № 8